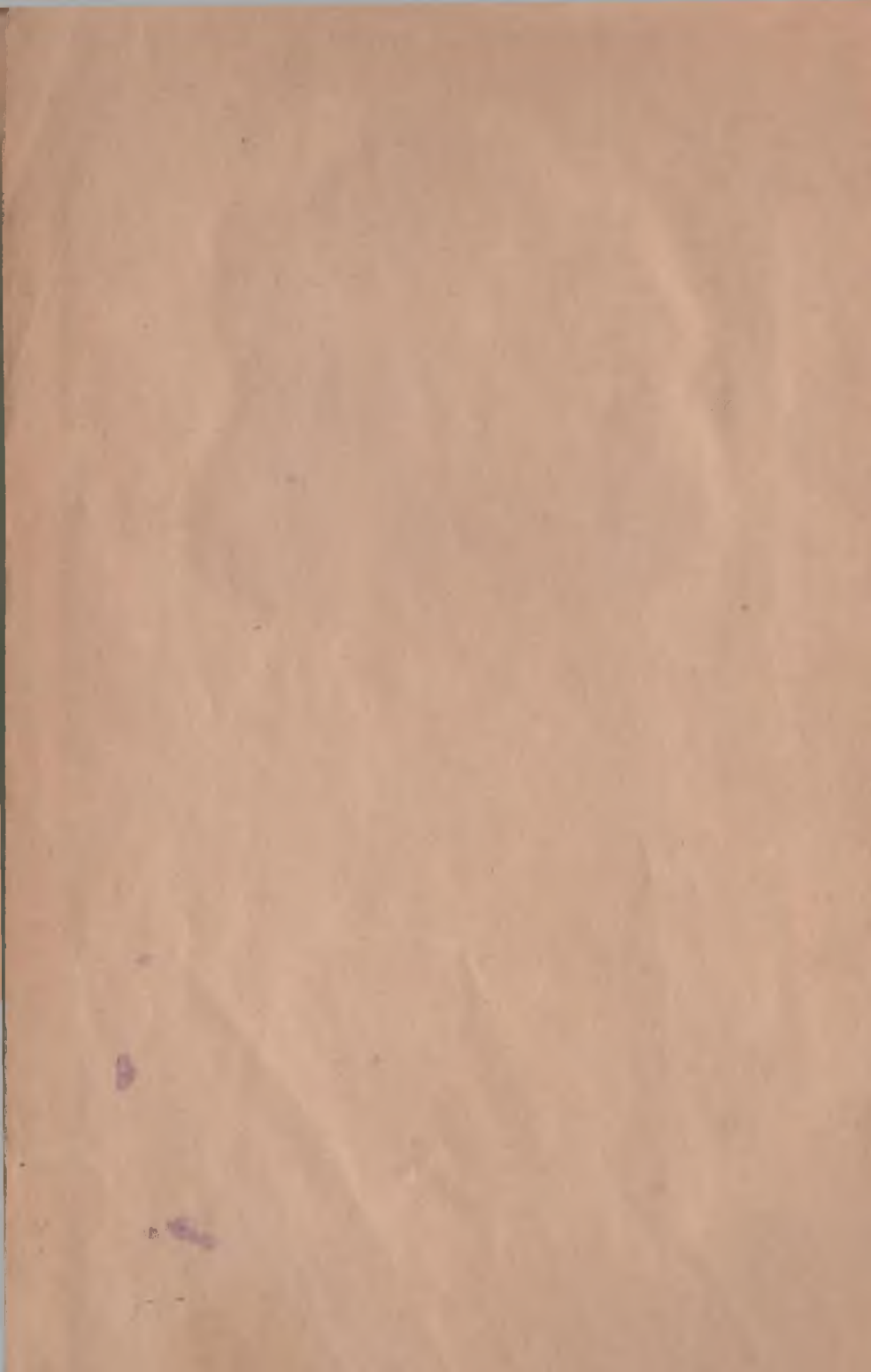

Тибиморке вестнику.

M-29

M-29.

Л. Мартынов⁺

КРЕПОСТЬ на ОМИ

~~1024~~

14611

995

062

ОМСК

1940

ОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

I. В ГОД СЕМЬ ТЫСЯЧ СТО ВТОРОЙ «ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА»

И ветер старой Тары
 Гнул травы . арабы,
 Где мучились татары
 Кучумовы рабы;

мь — на наречии барабинских татар значит—«тихая».

Старая пословица о том, что в тихом омуте черти водятся, не обманула бы и здесь, за Уралом.

За Омь бежал царь Кучум.

Когда казаки во главе с Ермаком Тимофеевичем завоевали Сибирь, далеко не все бывшие подданные Кучума печалились о беде царя. Кучум со своими эмирами и мурзами угнетал свой народ. Даже татарское население сибирского царства было наполовину закрепощено знатью, не говоря уж о покоренных Кучумом охотниках севера хантах, манси... Всех грабили, всех разоряли поборами.

Кроме того, в угоду своему покровителю бухарскому хану Абдуллаху, Кучум принялся обращать своих подданных в

магометанство, подвергая их при этом мучительной и опасной операции обрезания. Переход в магометанство был не по душе не только народам севера, но и сородичам царя, сибирским татарам, исповедывавшим в те времена шаманизм.

Многим жителям сибирского юрта не нравилась и внешняя политика Кучума. Он не ладил с Москвой. Он грозил походом туда, за Урал, на земли Строгановых. Нельзя сказать, чтоб татары, манси и ханты за что то любили Строгановых. Строгановы тоже были не ангелами, они собирали тяжелую подать с тех народов Урала, которые оказались под их властью. Но участвовать в походах на Строгановых, участвовать в набегах на русскую землю, это значило идти на гибель. Кучум посылал людей на гибель.

Таков был Кучум, царь пришедший к власти путем ряда преступлений, убивший в свое время старого, дружественного Москве хана Едигера, предательски умертвивший несколько позднее русского посла Чубукова. И когда Ермак пошел походом на Сибирское царство, то не слишком дружно защищали подданные своего царя. Не было единогодушия у всех народов, объединенных Кучумом. Многие воины шли в битву нехотя. Тем более, что казаки явились с огнестрельным оружием, «с такими луками, что огонь из них пышет, а как толкнет—словно гром с небес».

Сибирское царство пало.

На территории этого бывшего царства росли новые русские города, возникали земледельческие поселки. Вместе с русскими принялись за земледелие и «вогуличи» и татары. Присланные из Москвы мастера сооружали в городах мукомольные мельницы. На базарах появлялось все больше товаров, привезенных из Москвы. И было жителям Сибири на что покупать. По началу стали жить богаче, чем при Кучуме и гораздо лучше, чем жили местные жители там, на Урале, на землях Строгановых. Казаки—завоеватели сибирского царства были гораздо добродушнее Строгановых. Следуя заветам атамана своего Ермака, казаки старались ладить с покоренными народами. Да и Москва присылала милостивые указы о прощении недоимок тем людям, что особо пострадали от Кучума, об освобождении местных жителей на некоторое время от уплаты ясака... Словом, местных жителей старались не раздражать зря, не отпугивать. Воеводы и промышленники еще не начали обирать местных жителей, вызывая этим бунты. Не осмелели еще, но лишь присматривались авантюристы, прибывшие в Сибирь позднее казаков с отрядами регулярных войск. Вместе с хорошими людьми—честными воинами, землепашцами, охотниками—шло много сволочи, позднее сильно повредившей делу освоения этой богатейшей окраины. Но, как сказано, эти люди взялись за свое черное дело позднее. А в первые десятилетия, в конце шестнадцатого века народы Сибири в известной степени отдыхали от поборов всевозможных эмиров и

мурз. Испуганно утекли назад в Бухару магометанские попы — муллы, русские же пастыри еще не принялись насильственно обращать людей в христианство, крестя огнем и мечом. А было как при Ермаке — верь во что хочешь. Крестились пока что те, кто или сам уверовал в мощь «бога, даровавшего русским победу» или видел для себя прямую практическую выгоду в несложном обряде крещения.

Жили по новому и редко бы вспоминали о злополучном царе, если бы он сам, время от времени, не проявлял некоторых признаков своего существования. Кучум все же не сидел сложа руки там, за Омью. «Утече на калмыцкий рубеж живяша сокрыг-но и пакостиша русским и ясачным зельне», — говорят о Кучуме летописцы. И действительно, придя, например, в страну барабинских татар, людей скромных и мирных, Кучум широко воспользовался правами гостя, а вскоре и злоупотребил ими, нарушив все законы гостеприимства. Беглый царь принялся обирать здешних татар, потребовал тяжелую дань, рассказывал при этом небылицы о том, что его слава вернется, ибо покровитель и друг его, бухарский хан Абдуллах — всемогущ! Указывая кнутовищем туда, на север, за Омь, где темнели хвойные леса Сибири, Кучум призывал жителей степи не подчиняться русским, пакостить им и пакостить тем татарам, которые признали новую русскую власть. Зачастую Кучум перебирался за Омь, туда, к окраинам русской Сибири, ближе к своей бывшей ставке. Он звал людей уйти из под власти русских. Так однажды удалось Кучуму увести с собой за Омь немалое количество ялыньских татар, обитателей местности, близкой к русским пределам. И долго никто не знал, куда Кучум увел, куда запрятал доверчивых оялыньцев.

Для того, чтоб выяснить это и отправился в разведку казак Гриша Ясырь. В путь он пошел из нового, только что сооруженного в том же году города, города Тары.

* * *

Пять русских городов — Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут стояли уже в Сибири, когда царь Борис Годунов приказал основать Тару. Это было в 1594 году. Таясь в урманы, пристально смотрела на юг зоркая маленькая Тара, пристанище казаков и хлебопашцев. Правительство поручало тарцам важные дела: Кучума царя в конец истеснить, а ежели бухарские и ногайские купцы приедут, иметь с ними свободный торг, обходясь по дружески и не препятствуя им ехать и дальше в Сибирь — то есть в Тюмень и Тобольск. И, наконец, поручено было начальникам тарским принимать в городе послов из соседних государств азиатских. Это был важный новый город Тара — город воинов, хлебопашцев, торговцев и дипломатов. Отсюда-то и выехал в поиски

беглого царя Кучума тот человек, которого летописцы ласково называют Гришей Ясырем.

Этот разведчик, Григорий или Гриша Ясырь, вел за собой девяносто товарищей. Когда казаки достигли Вузюкова озера, они увидели на берегах его много татар, занятых рыбной ловлей. Отряд быстро окружил рыболовов. Татары, побросав сети схватились за оружие. Это не были мирные татары. По всем признакам, среди рыбаков находились друзья Кучума, ушедшие с ним оялынды. Одних татар казаки порубили, других взяли в плен. Оказалось, действительно, это — оялынды, приверженцы Кучума.

Гриша Ясырь, увы, не принадлежал к числу тонких дипломатов, хотя в Таре, по мысли правительства должны были находиться и таковые. Для того, чтобы выяснить где Кучум, — татары говорить этого, видимо, почему то не хотели, — Ясырь приказал татар пытаться. Под пыткой татары признались, что царь Кучум, для которого они и ловят рыбу, стоит вверх по Иртышу «меж двух речек, одернувся телегами», за Омью рекой. «Пешим ходом, мол, днища с два. А их, оялынды, Кучум де отвел на Черный остров, что вверх по Иртышу, выше омского устья и держит их на Черном острове в городке, посылая сюда, на Вузюковы озера, ловить рыбу.

Гриша Ясырь возвратился в Тару. Казаки привели за собой двадцать пленников.

...Наступила зима. Новый отряд, двести семьдесят шесть лыжников, выступил из Тары в том направлении, где морозное солнце стояло в полдень над сверкающей снежной равниной. Эти лыжники были служилые люди, идущие в поход на указанный разведчиком Гришей Ясырем Черный остров¹.

Сперва они шли хвойным лесом. Затем, среди зеленых еловых лап все чаще и чаще стали появляться белые стволы берез. Лыжники, не останавливаясь, миновали белое, страшное своей снежной пустынностью, устье реки Оми. Здесь кончались леса. Впереди лежала степь, из которой как острова из моря, лишь кое-где поднимались заиндевелые березовые рощи.

Вскоре лыжники окружили городок Черного острова, полный беглых оялындских татар.

... Кучум спасся бегством.

* * *

Это было в конце шестнадцатого века. Мы, коротко и быть может не совсем точно, рассказали здесь о событиях, происходивших поблизости омского устья в 1594 году или, как считали тогда, в 7102 году «от сотворения мира». Будем надеяться, что где

¹ Повидимому, на левом берегу Иртыша, близ Усть-Заостровки или Черлака.

нибудь в архивах хранятся более подробные сведения о разведчике Грише Ясыре и о двухсот семидесяти шести тарских служилых людях, ходивших за Омь на Кучума. Быть может, археологи найдут новые следы пребывания Кучума за Омью и следы городка на Черном острове, что вверх от устья Оми по Иртышу.

До сих пор мало изучен фольклор барабинских татар — потомков древних обитателей этого края. А в их песнях и сказаниях несомненно мы найдем следы тех событий, которые происходили три века тому назад.

Еще и посейчас в наших степях есть неразрытые курганы — памятники времен завоевания Сибири и времен еще более ранних.

Битвы, встречи народов — все это было здесь рядом, где то поблизости от современного города Омска.

II. ЦЕНА ПРИИРТЫШСКОЙ СОЛИ

Говорят, у вас, в Прииртышьи
Солоны озера Ямышьи.
Поезжай-ка, дружок, дотуда.
Привези мне соли с полпуда!

С начала семнадцатого века русские люди все чаще и чаще заглядывали сюда, на берега тихой Оми. Мертвым снежным оврагом казалось русло Оми тарским воинам, которые шли когда-то на разгром Черного острова. Но позднейшие пришельцы с севера увидели эти берега и в нежно-зеленом весеннем уборе и в багряно-желтом уборе осени. В долине Оми север как бы встречался с югом. Наряду со знакомыми растениями урмана—мхами, папоротником, земляникой и теми цветами, которые европейские ученые окрестили именем «венерин башмачок», здесь росли степные южные травы—ковыль, полынь, липец, пырей, тонконог. Казаки остриями пик и сабель пробовали здешнюю землю и не было сомнения в том, что она плодородна! Но какой бы храбрец решился пойти сюда с сохою?!

Кучум бежал. Известно, что после разгрома городка на Черном острове, царь одно время отсиживался в городище Тунус, севернее Оми, на одном из восточных притоков Иртыша. Но и этот городок был разгромлен и сожжен тарскими воинами, воинами-лыжниками в меховых одеждах. Поднимаясь вверх по Оми, Кучум скрылся вглубь Барабинской степи, затем кинулся на Обь, ведя еще за собою часть татар, но теряя в пути все больше и больше приверженцев. В конце концов Кучум, отвергнув предложения сдаться и ехать с почетом в Москву, ринулся в казахские степи. Родственники его, давно уже мирно жившие в России, бывшие его военачальники, перешедшие на службу к русским, убеждали Кучума сдаться. Но он не принял этих советов. Вероятно, он собирался пробраться в Туркестан, чтобы оттуда затеять новые походы. Однако, на полпути, близ озера Кургальджин-Тенис, он был убит кочевниками, у которых хотел отнять лошадей.

Далеко от тихой Оми, на Кургальджине, куда летом прилетают из Египта розовые фламинго, но зимой забегают с севера голодные, сибирские волки, Кучум погиб как голодный волк. Однако, укрепились в тех краях сыновья его, те, которым удалось избежать русского плена—Алей, Канай, Азым и Кубей-Мурат. Отсюда эти бродячие царевицы стали тревожить Сибирь. Они учиняли набеги, появляясь на реках Тоболе, Миассе и Ниге, причем грабили и убивали не только русских, но и татар. Озлобленные царевицы мстили своему народу за то, что этот народ предпочел их власть власти русских.

* * *

Такими же мелкими разбоями занялся бы и внук Кучума царевиц Ишим, если бы не нашел себе довольно серьезной поддержки в лице калмыцких тайшей. Не будучи особенно популярным среди сибирских татар, царевиц Ишим стакнулся с воинственными кочевниками, которые в начале семнадцатого столетия мало по малу, опускаясь с Алтая, распространились в южно-сибирских степях. Это были калмыки—одно из монгольских племен, теснимые с юга более сильными родственниками и соседями. Междоусобные войны и гнет китайских императоров—все это не делало жизнь калмыков счастливой там, в Зюнгории. Калмыки искали себе новой родины, но не всегда удачно. Некоторые из предводителей калмыков искали выхода за Енисей и вели туда своих людей, не особенно считаясь с интересами тех племен, которые встречались на пути. Калмыки имели столкновения с ханом Алтыном Монгольским, который в борьбе с нашествием беспокойных соседей искал поддержку у русских. Недаром из той же самой Тары в 1616 году ходило к «золотому царю Алтыну» посольство атамана Василия Тюменца, а несколько позже послы Алтына появлялись в России... Итак, калмыки искали себе новых мест кочевья

на севере, в сибирских горах и степях. Эти калмыки по началу вовсе и не собирались воевать с русскими, так же как и русские не мешали им кочевать в верховьях Иртыша. Русские предлагали калмыкам быть добрыми соседями, предлагали вести торговлю... И по началу бывали случаи, когда калмыцкие всадники помогали русским казакам выламывать пласты соли со дна ямышевских озер, что лежат в четырехстах верстах выше омского устья¹.

Но, одно дело — простые люди, которым хотелось мирного труда, а другое дело — честолюбивая знать, те злополучные начальники, которым не посчастливилось на родине и которые мечтали взять реванш на чужбине. На этих то калмыцких тайшей и стали делать свою ставку кучумовичи, — сыновья и внуки беглого сибирского царя.

Бродячий царевич Ишим не зря отправился вверх по Иртышу к семи палатам огнепоклонников². Там он сумел войти в доверие к калмыцкому тайше Хо-Орлеку и через некоторое время женился на дочери этого тайши. Это был явно брак по расчету. Ишим убедил своего тестя в том, что можно хорошо пожить, подняв смуту и напав на русские поселки и на поселки татар, признавших русскую власть.

С этого времени и на Оми снова сделалось весьма беспокойно. Чаше и чаще появлялись на крутых ее обрывистых берегах желтолицые всадники, пробирающиеся на север, в сибирские леса за добычей. Пахотные люди, русские крестьяне, которых правительство уговорило ехать в Сибирь пахать целину, испытали прелесть близкого знакомства с калмыками. Вытопанное поле, сгоревшая изба, взломанные амбары — вот что оставалось после набега. Лошади, домашний скот, вся утварь, которую переселенцы получали из казны, — все это доставалось хищникам, нагрянувшим из-за Оми. С узлами награбленного добра, волоча за собой на аркане пленниц — русских и темноволосых, русских и татарок, возвращались добытчики в южные степи, к себе, за Омь. Конечно, позади шла погоня, но не всегда она настигала незваных гостей, всадников, может быть, тех самых, которые когда то помогали русским людям ломать соль на Ямыше.

* * *

Наконец, в конце первой четверти семнадцатого века некоторые тайши дошли до того, что решили вовсе прекратить русским людям доступ за Омь, туда, на юг в Прииртышье, к Ямышевским озерам, о соли которых мечтали хозяйки в Сибири. Тара, Тобольск, Тюмень, все города Сибири остались бы без соли, если бы поддаться калмыкам. Соль бы пришлось доставлять из за Урала! Никак не согласились бы русские люди отказаться от ямышев-

¹ Близ нынешнего города Павлодара.

² Близ Семипалатинска.

ской соли, которую прибирали к своим рукам тайши, кстати, никакие не хозяева этой страны, а пришельцы, захватчики, имеющие гораздо меньше прав на эту соль, чем кто бы то ни было. Это чувствовали и татары и казахи, искавшие зачастую у русских людей помощи против нахальных тайшей.

Во всяком случае, отдать Ямышские озера во владение калмыкам русские люди не собирались. Экспедиции за солью продолжали ходить на Ямыш, зачастую пробиваясь туда под прикрытием военных отрядов.

Однажды командир такой экспедиции, старый казак, сподвижник Ермака Тимофеевича, атаман Григорий или, как его еще называли, Гроза Иванов, обнаружил неподалеку от Ямыша кроме соли еще и нечто другое. Атаман не был особо сведущ в минералогии, но то, что он нашел, он счел за залежи слюды.

Если вспомнить насколько ценным материалом считалась в те времена в России слюда, то станет весьма понятным, почему этим открытием атамана Грозы Иванова заинтересовались не только в Таре и в Тобольске, но и в Москве. В те времена стекло было редкостью в обиходе — вместо стекол в окна вставлялись чаще всего именно тонкие пласты слюды. И может быть царь Михаил Федорович колебался бы и еще с решением вопроса о постройке острога на Ямыше, но, после известия об открытии Грозы Иванова, в Москве решительно высказались за необходимость постройки ямышевского острога.

Будут, мол, под прикрытием этого острога, работать и добытчики нужной для сибиряков соли, и, главное, добытчики необходимой для всего государства слюды.

Однако, вскоре пришлось горько разочароваться. Слюда, открытая Ивановым, оказалась при проверке алебастром. Да и сам Гроза, будучи опрошен, высказался вообще против постройки острога на Ямыше. Конечно, мол, хорошо иметь там укрепление, но страшновато. Места, мол, не плодородные, леса мало, торгового большого не развернешь, калмыки немирные, того и гляди острог обложат, сожгут...

Царь Михаил Федорович поверил старику атаману. Но, все же, от мысли ставить этот острог отказался, повидимому, с неохотой! Было ясно, что где то поблизости необходимо все же возвести укрепление, в которое, по крайней мере, могли бы укрываться несчастные соледобытчики, преследуемые неприятелем в пути с озер.

Тут то и подспела новая, весьма жалобная, челобитная тарских воевод — князя Шаховского и Кайсарова. Говорилось в ней о том, что калмыки хозяйничают уже далеко к северу от Оми, угрожая Таре, а поэтому надо бы было укрепиться хотя бы здесь, на омском берегу.

Привезли эту челобитную тарские казаки — голова конных казаков Назар Жадовский с товарищами — Учужниковым и Бес-

сонко. Царь приказал хорошенько расспросить этих людей — видели ли они место сами, не путают ли чего воеводы.

Казаки подтвердили разумность нового плана.

— На устьи Оми острог поставить можно, — показал Назар Жадовский. Место хорошее и леса близко много. Только на том омском устье острог поставивши, из того острогу оберегать наши ясачные волости можно!

— Острог поставивши на омском устьи и перевоз у калмыцких людей отнять можно, — добавил еще он. И тогда ясачным людям будет бережение великое от калмыцких людей.

Все это было верно. Но как мы увидим ниже, Жадовский не до конца рассказал о положении вещей там, в Сибири. Быть может он не знал. Быть может ему не было велено говорить. Наконец, может быть он сам, этот хитрый выходец с далекого запада, не был заинтересован рассказывать все до конца. Как бы то ни было, но, в дошедшей до нас записи беседы казаков с чиновниками из Посольского приказа, ничего не упоминается о второй причине, заставившей тарских воевод думать об укреплении на Оми... А причина, как мы увидим, была важная...

Ни слова об этой причине не было сказано и в царском указе, который был дан тобольским главным воеводам 31 августа 1628 года. В указе говорилось лишь о том, что воеводы, посоветовавшись с казаками, тщательно проверив свое решение должны поставить на омском устьи новый острог. «А как служилые люди тот острог поставят, — было сказано далее ... — вы-б на омское устье на пашню велели послать крестьян из пашенных из ближних городов, откуда пригоже, чтоб пашни завести. А семена велели послать из Тобольска».

III. ПОЧЕМУ ОМСК НЕ ВОЗНИК НА 88 ЛЕТ РАНЬШЕ

В меха он кутался, зверея.

прекратить вторжение «воровских калмыков» в русскую Сибирь, защитить русских и мирных татар, превратить степь в хлебодородную ниву—так повелел царь в милостивом указе.

Но повелеть-то он повелел, а на деле вышло иное.

Дело в том, что оба тарских воеводы, и князь Шаховской и Кайсаров, далеко не во всем следовали заветам Ермака Тимофеевича. Ермак, как уже сказано, рекомендовал всем своим товарищам быть милостивыми к покоренным народам, народы эти не грабить и не обижать, преследовать и «изводить» лишь злых кучумовцев, сторонников старого порядка, а мирных людей привлекать на свою сторону. Воеводы Шаховской и Кайсаров, как впрочем и

многие сибирские начальники этого времени, забыли добрый совет Ермака.

Защищая барабинских татар от нападения кучумовичей и калмыков, тарские воеводы сочли себя в полном праве попользоваться тем добром, которое, по их мнению, иначе все равно было бы похищено врагами. Лисьи меха, лосиные шкуры, и многие другие хорошие вещи, имевшиеся у татар, соблазнили тарских воевод. Законный размер ясака перестал удовлетворять разгулявшиеся аппетиты воеводские. Недоразумения чаще и чаще разрешались ударами плети, а то и огненным боем.

Об этих инцидентах воеводы в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу предпочитали не уноминать. Справедливо жалуюсь на калмыков и кучумовичей, воеводы умалчивали о своих грехах. Умолчали они и о том, что новый омский острог может понадобиться не только в целях защиты от внешнего врага, но и для защиты от разъяренных подданных.

А было именно так. В те дни, когда в Москве обсуждался вопрос о постройке нового города на Оми, там, на Оми, в барабинской степи обсуждался, так сказать, «встречный» вопрос — об уничтожении Тарского острога. Те самые барабинцы, якобы для защиты которых и предлагали воеводы строить новое укрепление, толковали о необходимости поджечь Тару, чтобы выкурить оттуда алчных воевод.

Радостно возвращались домой из Москвы казаки—Жадовский, Учужников и Бессонко. Они везли указ о постройке нового укрепления. Но строить это укрепление им не пришлось.

Благодаря хвастливости и болтливости тарских воевод, вся степь уже знала, что они собираются строить на Оми новый острог и ждут только царского указа. Волнениями барабинцев воспользовались калмыки. Они явились к барабинцам уже не как враги и грабители, а как союзники в будущих боях. Они и подучили жесть Тару: «Жгите Тару! Вы хорошо придумали сжесть Тару!»

Однако, калмыки ошиблись в расчете. Честность и мирный нрав барабинских татар были недаром известны всей Сибири. Барабинцы не захотели войти в союз с калмыками. Кроме того, барабинцы, вероятно, понимали и то, что такое дело не останется без возмездия. Как бы то ни было, барабинцы решили попросту откочевать подальше от южных пришельцев и от алчного русского князя Шаховского.

Калмыки же заполнили омские берега.

Наступление калмыков, ропот угрюмо передвигающихся, уходящих в неизвестном направлении барабинских татар,— все это испугало блудливых, но трусливых воевод Шаховского и Кайсарова. Они, когда то выпрашивавшие разрешение поставить острог над устьем Оми, теперь, получив это разрешение, не выполнили указа, не думали даже о том, чтоб снова пойти на Омь.

В свое оправдание тарские проказники завопили о «вероломстве» татар и о «бунте»...

Правительство узнало про истинное положение вещей слишком поздно. Шаховского и Кайсарова сместили. Вновь назначенным в Тару воеводам было разъяснено, что барабинские татары ни в чем не виноваты, а виноваты вымогатели и насильники Шаховской и Кайсаров.

Царь приказал посадить воевод на цепь. В Москве знали, чем кончаются подобные шалости воеводские. Хорошо запомнился томский случай. Разве был врагом киргизский князь Номча? Жена его приехала в Томск с прошением о принятии ее в русское подданство. А хамы-воеводы отобрали у женщины шубу. Прямо так и содрали эту соболью шубу с плеч княгини. Муж, князь Номча, в такое огорчение от всего этого пришел, что на чулымских татар огнем и мечом напал. Вот к чему привела алчность воевод в Томске. Теперь — Тара! Барабинцев обидели, накликали большую беду.

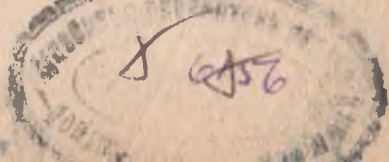
Было объявлено, что откочевавшие барабинцы, если они вернутся под покровительство России, получат льготы. Так рассудил царь. Повидимому, он искренне жалел обиженных, да и было бы досадно, если бы эти татары стали теперь платить дань не Москве, а какой-нибудь соседней державе. От всей этой склоки выиграли, конечно, только калмыцкие тайши.

Калмыки же тем временем весьма крепко обосновались у устья Оми. Владея здесь переправой через Иртыш, они распространялись все дальше на северо-запад, появлялись уже на подступах к Тюмени, угрожали итти на Тобольск. Тобольский историк ямщик Илья Черепанов оставил нам записанное со слов современников любопытное описание вооружения Тобольска против калмыков в 1646 году. Стольный город Сибири оказался под угрозой. Ясно, что время для постройки нового острога на Оми было упущено!

* * *

Несколькими десятилетиями позже эти калмыки-торгоуты договорились с русскими властями о переходе на Волгу. Там им дали много места для кочевья. Но, увы, на южных границах Сибири не стало от этого спокойней. Появились новые скопища всадников, близких родичей тех, кто, утихомирившись, ушел на Волгу. Этих новых беспокойных соседей Сибирь запомнила под грозным именем джунгар. Это имя будет грозно звучать и в восемнадцатом веке!

Границей своего царства джунгары объявили все ту же тихую Омь. Отсюда, с левого берега Оми, где нынче стоит Пушкинская библиотека, начинались джунгарские степи, земли обширного джунгарского царства. Это было большое царство со столицей неподалеку от озера Балхаш. Много неприятностей наделали

джунгары и русским, и татарам, и казахам. И, казалось, навсегда отошли те времена, когда русские люди могли почти беспрепятственно подниматься вверх по Иртышу за ямышской солью или для участия в степных азиатских торжищах Прииртышья. Казалось, напрасны были труды храбрых разведчиков казаков, обогривших своей кровью белую соль Прииртышья, желтые глины омских обрывов.

Джунгарские всадники, рыская над Омью, выцарапывали на белой коре прибрежных берез грубые изображения всадников — самих себя. Будем, мол, здесь рыскать вечно! Такие березы, говорят, стояли над Омью еще в конце прошлого столетия.

Но все же эти березы, эти стволы, расписанные рукою немирных рисовальщиков — исчезли. Одни пошли на дрова, другие — засохли от старости.

А вот другой памятник изобразительного искусства Сибири семнадцатого столетия, произведение русского художника и ученого, уцелел и до сих пор и не уничтожится никогда. Мы говорим о работе человека низшего служилого сословья — боярского сына тобольского Семена Ремезова «Чертеж Сибирской земли». На этом чертеже, составленном в 1696 году в Тобольске, тщательно вычерчено и Омское устье. И надпись, сделанная рядом гласит:

«Край калмыцкой степи пристойно вновь быти городу».

Прав оказался русский художник, географ и историк, а не приезжий джунгарский воин.

IV. ЭКСПЕДИЦИЯ ГОСПОДИНА БУХАЛЬЦЕВА

Того-ль искала в девственных просторах
Петра неутомимая рука?

Князю Матвею Петровичу Гагарину, первому губернатору сибирскому, Омь казалась не более чем мутным незначительным ручейком, который надлежит брезгливо перешагнуть, идя к сказочным сокровищам Востока. Изучая чертеж сибирской земли, сделанный Ремезовым, князь Матвей

Петрович не придал, повидимому, большого значения словам, писанным по краю степи калмыцкой: «...пристойно вновь быть городу». Иной город манил князя, — далекая золотая Эркетъ, где-то там у подножья снежных гор, на рубежах Китая.

Смелые замыслы были у князя Гагарина, этого сухонького невысокого человека, бывшего нерчинского воеводы, а затем президента Сибирского приказа в Москве. Князь

редко находился в состоянии покоя. И, может быть, не столько за ум, сколько именно за живость, стремительность, постоянную готовность к действию и любил император этого немолодого вельможу, столь не похожего на медлительных бояр тяжелодумов. Широкими полномочиями, полученными от императора, князь Матвей воспользовался сполна. С небывалой торжественностью вступил губернатор в свои владения. Перевалив Урал, в Верхотурьи он сел на речной корабль, корпус которого был от бортов и по ватерлинии обтянут пламенно-алыми сукнами и так плыл до Тобольска, важно принимая депутации от сел и городов, объявляя о новых порядках, переименовывая воевод в коменданты. И здесь, в Тобольске, повел он себя как некий верховный правитель, раздавал милостиво награды. Даря, обещая, затевал громадные, немыслимые прежде дела.

Прежде всего он позаботился о благоустройстве стольного своего города. Город Тобольск, куда сходятся пути из Китая, Монголии, Бухары и меховых стран Гиперборейских, город Тобольск, куда съезжаются послы и купцы восточных сопредельных держав — должен быть красив и величественен! И когда как не теперь приниматься за постройки? Искуснейшие инженеры к услугам Тобольска. Военнопленные, взятые под Полтавой шведы, изъявили полную готовность осуществить эту работу. Так было отведено старое русло Тобола, так были воздвигнуты многие прекрасные величественные здания: каменная таможня на соборной площади, палаты под крепостными воротами, шведская арка...

Старый знаток Азии, князь Матвей Петрович повел из Тобольска большую политику. Он умел договориться с китайцами, находил нужные слова и для посланников джунгарского контайши. Поначалу все шло прекрасно.

Но золото есть золото. И недаром многие мудрецы востока, равно как, впрочем, и запада, называют золото опаснейшим из металлов.

Песочное золото, то самое, с которого начались первые неприятности, князь Гагарин увидел вскоре же после своего торжественного прибытия в Тобольск. Это золото привозили сюда азиатские купцы для продажи. Не составило большого труда узнать, что это золото добывается близ Эркети, города подвластного джунгарскому контайше.

Князь Гагарин, как это удостоверено историками, при всех своих положительных качествах все же не был чист на руку. Доказано, что он присваивал ценности, принадлежавшие казне, растрачивая эти деньги «на веселости» и т. п. Много золота попадало в руки князя Матвея путем незаконным. Но как раз это то злополучное яркендское золото Гагарин и не собирался положить во вместительный карман своего губернаторского кафтана. Это прекрасное золото Матвей Петрович предназначал царю,

казне, России. Целые золотые россыпи предполагал положить ко стопам императора князь Матвей Петрович.

Может быть этим золотом князь хотел загладить свои старые грехи, отдать долг царю не только полностью, но и с лихвой.

Вот что рассказывает о дальнейших событиях историк Словцов:

«Победитель Карла XII, зная столь же хорошо, что для порядочного содержания войск нужны золото и серебро, как и то, что сии металлы приобретаются внутренним трудолюбием, развитием промышленности мануфактурной, горной и торговой, всемерно поэтому стремился к преумножению государственного богатства... Князь Гагарин в 1713 году послав дворянина Трушникову к Хухунору¹ для разведания и покупки песка (золото — Л. М.), и не сождав возврата его, спешил поднести государю горсть купленного золота, представляя, что от Яркени до Тары доходят в 2½ месяца, что утвердись при озере Ямышеве стоит только протянуть цепь укрепления через Чжунгарию до Яркена, что этим делом можно управиться одной Сибири, прикомандировав к экспедиции уфимских башкир и прислав из России офицеров»...

Петр доверял князю Гагарину «Государь великостью гения измерял возможность дел,— продолжает Словцов,— и торопясь выйти с флотом в море, вспомнил о представлении князя Гагарина и 22 мая 1714 года написал собственноручно на той бумаге: «построить город у озера Ямышева, или выше, итти по реке вверх, пока продолжится лодочный ход, потом следовать далее, для овладения Яркеном, взять людей тысячи две, употребить из пленных шведов артиллерию и минералогию знающих, только не более трети против наших офицеров».

* * *

Некий тоболяк, чье имя осталось в тайне, автор рукописи, получившей известность под заглавием «Сибирский летописец», записал в том же самом 1714 году следующее:

— «Послан из С. П-бга лейб-гвардии подполковник Бухальцев Иван Дмитриевич, да с ним: майор, 2 человека капитанов, 6 человек поручиков, адъютант, 6 человек прапорщиков и велено ему в Тобольске прежнего набору, да и вновь набрать солдат 2500 драгун со всех чинов, и итти с ними в степь».

Бухальцем в старину называлось ружье. «Виль бухальцем на сторону» — поверни ружье в сторону! — командовали когда-то, еще в семнадцатом веке начальники подчиненным. Подполковник Бухальцев — так на огнестрельный лад переделали тоболяки иностранную фамилию приезжего подполковника Бухгольца. Подполковник, мол, с оружейной фамилией, вооружит тысячи три народа!

¹ Озеро Куку-Нор.

И, действительно, не меньше людей пошли в команду господина командира Бухальцева. Велено было не только в Тобольске, но и в других городах служилого чина набрать солдат, а с посадских людей, и с дворовых, и с архиерейских и с монастырских крестьян с 20 дворов рекрута; также и в острогах и в слободах с крестьянских дворов. Лучших, наиболее здоровых, наиболее сметливых крестьянских парней набирали в эту экспедицию. Люди знали, что идут по приказу государя на разведку руды. Она, эта руда, зря лежит в подвластных контайше горных недрах, но много пригодится России. Не на джюнгар нападать, а прикрывать от нападений джюнгарских тех, кто будет искать руду — вот что будут должны делать солдаты. Хотелось бы, конечно, побить этих самых джюнгар, которые достаточно насолдили и отцам, и дедам и прадедам вольных и подневольных охранителей южной границы. Ведь в продолжении целого столетия длились эти ссоры, стычки. Джюнгары тревожили русских, русские не оставались в долгу. Сибирские начальники под предлогом погони за джюнгарскими ворами затевали грабеж улусов... Всякое бывало. И злоба была обоюдная. Но было сказано: поход не для того, чтоб воевать джюнгар, а для поисков руд и устройства оборонительных укреплений, где будет нужно.

Достаточно ли ясно было сказано это джюнгарам? «При отъезде из Тобольска,— пишет Словцов,— Бухгольц видел у губернатора посланников контайши, которым в первый раз сказано мимоходом, что этот офицер отправлен не для войны, а для укреплений по Иртышу. Если нет неприязненных намерений,— отвечали они,— Шорухту хан не станет перечить»...

В начале июля 1715 года экспедиция Бухгольца вышла в путь из Тобольска. Вверх по Иртышу поплыли 32 досчаника и 27 больших лодок, в которых и разместилось 2932 человека. Быстро дошла эта флотилия до Тары. Здесь Бухгольц получил полторы тысячи лошадей для того, чтобы часть драгунов шла берегом, неся разведывательную службу. Затем прошли мимо Чернолуцкой слободы¹, последнего русского укрепления вверх по Иртышу и, вскоре, омское устье, где когда то по мысли тарских воевод должен был возникнуть новый город. Об этом напомнила Бухгольцу ремезовская карта. Думал ли лейб-гвардии подполковник о замыслах старых казаков? Вероятно — да. Но в инструкциях Гагарина ничего не говорилось об омском устье и омское устье прошли не останавливаясь. 1 октября, с точностью, как обязался, Бухгольц привел свой отряд на озеро Ямыш.

Близ этого озера, в шести верстах от Иртыша, при речке, названной Преснуха за доброе качество своей воды, была зало-

¹ Современное Чернолуцье, место летнего отдыха омичей.

жена крепость. Очень вскоре явились гости — те самые джюнгары-посланцы, с которыми Бухгольц встретился мимоходом в Тобольске, и которые, как видно, следовали за отрядом. Словцов рисует поведение этих людей так: «помянутые посланцы, заехав в крепость, заметили, что она построена на Чжунгарской земле, но, уверясь о миролюбивых намерениях, советовали начальнику послать кого-нибудь к Шорухту-хану с письмом, не дошедшим однако ж до владельца»¹.

Сам император Петр, находившийся тогда в заграничном путешествии, не забывал об отряде Бухгольца, ушедшем в прииртышские степи. Петр писал Гагарину в Сибирь из далекого Копенгагена, напоминая, что нужно заботиться об успехах бухгольцевского предприятия. Петр задумал послать еще один отряд в Среднюю Азию, но не с севера, а с запада, через Каспий, на Хиву.

Царь помнил о Бухгольце и было бы невероятно, чтоб сибирский губернатор князь Гагарин, инициатор всей этой затеи с экспедицией, мог позабыть о трех тысячах воинов, ушедших в джюнгарскую степь.

Однако, внимания Бухгольцу Гагарин все же оказал мало. Надо полагать, что князь недооценил силы джюнгар, в чьи владения ушел лейб-гвардии подполковник. Гагарин, повидимому, строил свои расчеты на том, что контайша джюнгарский, воюя в это время с Китаем, не сумеет перекинуть людей на север и, таким образом, экспедиция Бухгольца пройдет до Яркенда не встретив сопротивления. Рассчитывая на это Гагарин не обеспечил и должной охраной караван с продовольствием и казною, посланный на Ямыш в новую крепость. Он не послал добавочных войск, которые просил Бухгольц.

Как бы то ни было, но караван пропал без вести, а от Бухгольца перестали приходить депеши.

* * *

Случилось же на Ямыше вот что. Люди еще не успели завершить сооружение крепости, когда с юга появились разведчики джюнгар. Кружа вокруг да около, они не предпринимали никаких враждебных действий, но весьма деловито произвели подсчет людей и коней. Уехали. Вскоре появилось целое полчище. Джюнгары ворвались в недостроенное укрепление и, прежде чем их удалось вытеснить, классически выполнили операцию отгона лошадей. Джюнгары не ушли далеко. Они обложили крепость кольцом блокады. Начальник джюнгарского войска, отрекомендовавшийся Бухгольцу как Церим-Дундук, двоюродный брат контайши, заявил, что войска привел с собой десять тысяч человек и не уйдет, пока русские не покинут крепость.

¹ Посланного с этим письмом поручика Маркела Трубникова ограбили и взяли в плен степные кочевники.

Нет сомнений, что Бухгольц был аккуратным и исполнительным офицером. Приказали идти на Эркетъ — пошел на Эркетъ. Прибыл на место, назначенное для первой зимовки, ровно в срок — 1 октября. С верноподданнической твердостью ответил вражескому начальнику, что ему, Бухгольцу, не велено идти назад, а велено по весне идти вперед. Одного только нехватало у Бухгольца — самостоятельности, инициативы. Несколько лет спустя другой офицер, смелый и веселый генерал-майор Лихарев, прекрасно договорился с джунгарами. Встреченный также сначала джунгарами в штыки, он сумел кончить дело миром. «Нет оснований для войны! Волжские калмыки, родственники почтенных джунгаров, в дружбе с императором Петром! Храбрые волжские калмыки помогли Петру воевать с шведским королем Карлом. Вместе с русскими воинами они бились против шведов и делили славу победы! Мир на Волге. К чему ссоры на Иртыше? Да будет мир!» И, действительно, «дело кончилось миром и взаимными поздравлениями». Лихарев не только добрался до верховьев Иртыша, но и поставил важнейшую по тому времени Устькаменогорскую крепость. А, главное, разумными искренними доводами сумел он убедить джунгар, что русские не хотят совершать никаких насилий над ними, что строят укрепления лишь для защиты, что пришли добывать руду, а не разбойничать. Дело окончилось взаимными поздравлениями и подарками. А у Лихарева было только 450 человек против полчища джунгаров. У Бухгольца же было три тысячи человек.

Отсиживаясь в крепости с этими тремя тысячами, Бухгольц растерянно смотрел, как джунгары провели мимо крепости захваченный гагаринский караван с продовольствием и казной. Вслед за караваном шло семьсот русских пленных. Бухгольц не сделал попытки отбить товар и освободить русских людей, ведомых в рабство. Может быть он боялся потерь при вылазке, хотел сохранить жизнь своим людям? Но, оставив гарнизон без продовольствия, Бухгольц все равно обрек людей на гибель. Солдаты ели падаль. Цынга, голод, сибирская язва, уничтожили за зиму 2300 человек...

Так самонадеянный и легкомысленный князь Гагарин и несмелый аккуратист Бухгольц превратили Ямыш в гигантское кладбище.

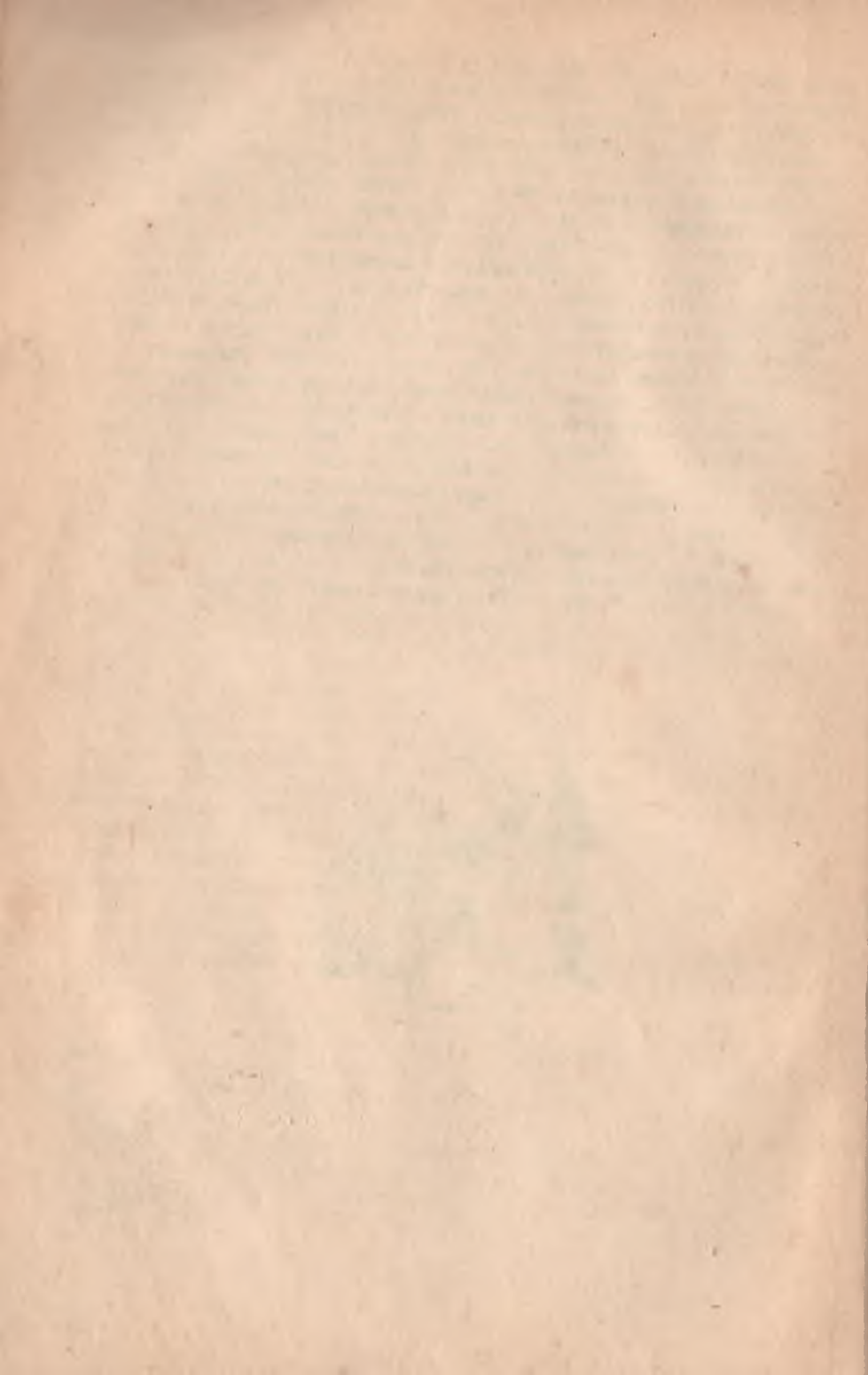
Летом 1716 года остатки отряда отступили к устью Оми. Лишь здесь джунгары прекратили свое преследование, не столько потому, что считали Омь границей своего царства, а больше потому, что боялись забраться дальше, в леса Сибири, бежать откуда было бы гораздо труднее.

Здесь у этого устья, у Оми, которую Гагарин считал когда-то ничтожным ручейком на пути к сказочным богатствам Востока, и было приказано Бухгольцу заложить крепость. Но едва ли истощенные люди Бухгольца воздвигали это пятиугольное ук-

репление на левом берегу Оми. Крепость строилась свежими людьми, посланными на помощь из Тобольска. И вообще, честь основания города Омска никак не приходится приписать подполковнику Бухгольцу. Грозное по началу прозвище Бухальцев, теперь звучало как злая насмешка. Характерно, что в старом Омске именем Бухгольца был назван лишь коротенький переулок. Зато широко была в Сибири распространена поговорка «Пропал как Бухголец! «Бухголец,— как пишет Словцов,— «успел выпроситься в Петербург от стыда и следствия». Но следствие все же было. Петр начал расследование всех этих дел. Бухголец, оправдываясь, сообщил царю много неблагоприятного о Гагарине. Петр оказался снисходителен и к Бухгольцу. Он не мог его осудить только за отсутствие дипломатических талантов.

С Гагариным же расчет был иной. К тому времени против Гагарина накопилось много всяких обвинений в самовластьи, в лихоимстве. Князь Матвей был вызван в Петербург и, в конце концов, заключен под стражу. Вынося князю смертный приговор за многие черные дела, Петр, повидимому, учел и те две тысячи семьсот человеческих жизней, которые были загублены Гагариным в Прииртышьи. Как известно, князь Матвей Петрович, первый губернатор сибирский, был повешен за шею перед зданием юстицколлегии в 1721 году в Санкт-Петербурге.

У. КОГДА ПАЛО ДЖЮНГАРСКОЕ ЦАРСТВО

Орда! Орда! А что орда?
Другая-б не пришла беда!
С норд-веста! Вот что, господа!

Прошло полвека. Много важных событий случилось за это время. В середине пятидесятых годов XVIII века исчезло с лица земли некогда грозное для Сибири Джюнгарское царство. Джюнгары затеяли распри между собой. Это пошло еще с 1745 года, когда умер Галдан-Церен, умный правитель Джюнгарии. Он завещал своему глупенькому легкомысленному сыну Цебень Доржи хранить мир с Россией и Китаем. Юный Цебень повиновался отцу и не начинал ссоры с соседями, но зато решил удовлетворять свои воинственные наклонности на собственных подданных. С шайкой приспешников он врывался в улусы, травил собаками скот и людей, пока, наконец, его не свергли с престола и не ослепили. Но после этого началось соперничество за престол между новыми

претендентами на власть. Это соперничество сопровождалось междоусобной войной и бедствиями для народа. Победил воинственный родоначальник, некий Амурсана. Своих сил у него было мало и он воспользовался помощью китайцев, а затем, когда китайцы ему помогли, он решил избавиться от платы за помощь и поднял против своих помощников-китайцев разные орды монголов и элютов. Обиженный таким предательством, богдыхан приказал своим войскам уничтожить Джюнгарию, учинив жесточайшую экзекуцию над всеми жителями этого царства. Каратели убивали мужчин, насиловали и насмерть замучивали женщин, разбивали детям головы о стены жилищ, уводили людей в рабство.

Дорого стоили калмыцкому народу все эти заговоры знати. Джюнгарское царство перестало существовать. Те джюнгары, которые спаслись от избиения устремили все свои надежды на Россию, на ту самую Россию, окраины которой они тревожили более чем сто лет. Насколько велико было желание попасть под покровительство России, показывает хотя бы такой факт, один из очень многих: зайсан Номкы, депутат от двенадцати других зайсанов, привез полковнику русской службы де-Гарриге следующее письмо: «дай нам людей на сбережение; обереги от злого времени в нашей земле; где вам поглянется—стройте город. Ныне у нас — белый государь. Нашего белого государя полковник, пожалуйста поскорее,— со всеми домами хотят увезти!» Но вскоре пала всякая надежда удержаться в пределах бывшего царства. Десятки тысяч беженцев хлынули в Россию через рубеж, умоляя русских принять их, пропустить внутрь страны. Многие джюнгары попали в полон к кочевым народам, обитающим по эту сторону гор, некоторые были пограблены и кое-какими сибирскими начальниками, главным образом, разными иностранными офицерами русской службы, но большинство джюнгар благополучно перешло рубеж со всем уцелевшим имуществом и стадами.

Россия приняла изгнанников. Значительная часть интернированных была препровождена на нижнюю Волгу, часть под Ставрополь, где издавна обитали калмыки, принявшие православие. А однажды в омской крепости появился необыкновенный гость — «самосекретнейший азианин» — как о нем шепталось омское начальство. Гарнизонному портному спешно было заказано сшить для кого-то штаны. Оказалось, что в омскую крепость, построенную когда-то для защиты от джюнгарских набегов, доставлен последний правитель когда-то грозного джюнгарского царства сам Амурсана, ищущий теперь прибежища в Сибири. Выяснилось, что грозный Амурсана, наделавший столько бедствий своему народу, выбежал на русскую границу даже без штанов. Одев штаны, сшитые омским портным на казенный счет, самосекретнейший азианин Амурсана проследовал в Тобольск. Там последнего владельца джюнгарского поселили на архиерейской даче за городом. Китайцы после потребовали выдачи Амурс-

саны, чтоб свести с ним счеты и неизвестно, чем бы кончились эти переговоры, если бы злосчастный Амурсана не скончался от оспы в Тобольске.

Джунгарское царство пало. Там, на южных границах Сибири людям стало легче дышать. Передышку, которая создалась в результате войны джунгар с китайцами, использовали для укрепления алтайских предприятий. Надо сказать, что еще с времен Петра Великого появились там, на Алтае, предприимчивые рудознатцы. В 1726 году начал работы на Алтае сам Акинф Демидов. Недра Урала не удовлетворяли этого неутомимого человека, он взялся за алтайскую медь, за алтайское серебро. И за двадцать последующих лет Демидов завел в предгорьях Алтая 20 рудников и 2 завода. В 1747 году эти демидовские заводы, ввиду их важности, были приобретены в собственность императорского кабинета.

Эти близкие к границе заводы подлежало зорко охранять и теперь. Джунгарское царство пало, но в любой час из-за южных горных хребтов могли показаться враги еще более мощные, чем кочевники джунгары. И теперь вставал вопрос о создании в более или менее мирной обстановке мощной долговечной линии укреплений, которая бы прикрыла от возможного нападения врагов все алтайские заводы. Об этом думали и в сороковых годах, но более серьезная работа началась на рубеже второй половины столетия. Мудрый старик, сотрудник Петра Великого, моряк и ученый, губернатор Сибири Федор Иванович Соймонов¹ в соглашении с пограничным военным начальством разрабатывал план новых будущих укреплений — с верховьев реки Иртыша к востоку. Военные инженеры, посланные Соймоновым, производили исследования по Бухтарме, на Телецком озере, по реке Катунь.

Казалось бы, что все это не имеет прямого отношения к Омской крепости, которая осталась далеко позади в глубине степей и служила теперь лишь сторожевым пунктом против кочующих за рекой казахов². Но на самом деле было вовсе не так. Все происходившее на далеких границах юга имело непосредственный отклик в Омске. Делом громадной государственной важности было укрепление Алтая. И тяжесть этих забот о далекой границе, тяжесть алтайской меди, алтайского серебра неизбежно ложилась на плечи тех, кто жил здесь на севере — у Омска, у Тары, у Тобольска.

¹ Подробнее о Соймонове см. нашу статью «Человек, которому рвали ноздри», журнал «Омская область», № 6 за 1939 г.

² «Против крепости Усть-Каменогорской по левой стороне Иртыша до Омска начали с 1758 г. по опустошении Чжунгарии, распространяться кочевья киргиз-кайсацких волостей... Между водворяющимися соседями и крепостными жителями завязалась мена... В крепости Омской таможенный сбор производился под смотрением местного начальства и доходил иногда до 500 руб.» (Словцов, «Историческое обозрение Сибири», т. II, стр. 223—225).

Надо было выращивать много хлеба для снабжения войск, расположенных в укреплениях вверх по реке, надо было перевозить продовольствие и снаряжение туда, на юг. Надо было пополнять ряды войска, заброшенного на далекие горные окраины. Вот почему было обращено такое усиленное внимание на колонизацию Прииртышья и, в частности, района, непосредственно примыкающего к Омской крепости.

В шестидесятых годах XVIII века крепость эта, стоящая на южном берегу Оми¹, представляла собою пять бастионов, связанных между собою палисадом, рогатками и небольшим рвом. Внутри крепости стояли деревянная церковь — Сергиевский собор, деревянная гауптвахта, дом для инвалидов пограничной линии, комендантский дом и бывшая церковь шведских пленников, в которой помещалась управительская канцелярия. Вверх по Оми стояли провиантские магазины, за Омью квартировали три роты солдат и драгунская команда, а между крепостью и берегом Иртыша помещался форштадт — выселок².

Население крепости кроме воинских частей состояло из пахотных казаков, свободных переселенцев, купцов, и, так называемых, подлых людей и поселенцев.

За счет двух последних категорий и рос главным образом Омск во второй половине восемнадцатого века. «Подлыми людьми» назывались люди, сосланные за разные преступления после наказания кнутом. Поселенцы были крестьяне, сосланные помещиками взачет рекрут за ослушание и «непорядочные поступки». Поток этих крестьян хлынул в Сибирь с особенной силой в годы царствования Екатерины II. Она разрешила помещикам ссылать крепостных людей в Сибирь по собственному приговору. За каждого сосланного в Сибирь мужика помещик получал рекрутскую квитанцию. Это было очень выгодно для помещика, так как можно было сослать мужика хилого, больного, заведомо негодного для военной службы, а за его счет оставить в хозяйстве парня крепкого и рослого, которого обязательно забрали бы в солдаты, если-б не оказалось на руках у помещика лишней рекрутской квитанции. Чаще всего помещики ссылали людей без вины, а просто за неугодность. Эти спекуляции людьми вызывали негодование у чинов военного ведомства, так как армия оставалась без людей — помещики удерживали у себя в усадьбах здоровую молодежь. Но и ссылку за Урал правительство поощряло, чтоб пополнить крестьянами редко населенные пограничные линии. Много таких посельщиков оказалось и на берегах Оми. Им велено было сеять хлеб для войска. Принимали их здесь довольно радушно, выдавали каждому с казенного склада топор, серп,

¹ Приблизительно между Музеем и трамвайной остановкой «мост» современного Омска.

² Описание крепости дается по «Исторической хронике Омска» И. Я. Слобцова.

сошник, а иногда даже и бракованную лошадь. Все делали по закону. Только такой малой подробности закона не выполняли: не препровождали в Сибирь вместе с посельщиками их жен. Помещики утаивали женщин в своих деревнях. И плохо работалось здесь на Оми разлученным с семьей мужикам. Правительство, которое не хотело, да и не было в силах бороться с помещичьим произволом, старалось помочь мужикам, посельщикам таким нехитрым способом: предлагало им брать в жены колодниц-преступниц, препровожденных в Сибирь за убийство, мужеубийство, отцеубийство, детоубийство, поджигательство. Но, во-первых, далеко не все посельщики хотели променять любимую и законную жену на какую-нибудь блудницу или мужеубийцу. А во-вторых, и таких нехватало — в первую голову женщины эти доставались казакам. И часто случалось, что несчастный, разлученный с семьей и истомленный тяжелой работой, посельщик бросал в поле сошник, затыкал топор за пояс и, сев на казенного коня, мчался куда глаза глядят. Одних манила далекая родина — приехать туда, хватить топором помещика, выкрасть жену и скрыться. Другие, не мечтая об этом, устремлялись в леса и горы, где скрывались раскольники, а то и просто вооруженные скопища беглых крестьян. Иные, уходя через степи, попадали в плен к казакам и тогда приходилось не сладко, ибо кочевники кормили пленников плохо, выменивали на скот, перепродавали в рабство в ханства Средней Азии. Некоторых беглецов ловили свои же пограничные власти и пойманных, после наказания плетью и клейменья, отправляли на каторжные работы в Нерчинск.

Немногим лучше, чем «посельщики» жили и свободные переселенцы крестьяне. Они тоже сеяли хлеб да еще обязаны были доставлять этот хлеб и другие грузы на верховья Иртыша. Эта повинность была хуже всякой каторжной работы. Людям приходилось покидать дом более чем на полгода. Впрягшись в лямку, крестьяне тянули досчанники с грузом, получая за это по копейке с версты. А тянуть приходилось до двух тысяч верст! На верхнем быстром течении приходилось преодолевать в сутки не больше одной версты. На обратном пути получали по пятак за сто верст. Шли полуголые, босые, прося милостыню.

Не весело жилось в крепости и казакам и солдатам. Большинство командиров оказывалось людьми, не скажешь что суровыми, но попросту кровожадными. Сюда, на глухую окраину, посылались зачастую люди не глупые, решительные, но в большинстве случаев предельно жестокие, не ценящие человеческую жизнь и в копейку. Считалось, что только такие командиры и смогут справиться с подневольным, мечтающим о бегстве куда глаза глядят, населением пограничных линий.

Особенно дурную о себе память оставили командиры Киндерман и Фрауэндорф. Генерал Киндерман, прибывший в Сибирь в середине сороковых годов с драгунскими и пехотными полками

для защиты южных границ, прославился своей жестокостью и надменностью по отношению к казакам. Он не считал казаков за людей. Молодого хорунжего, который сказал офицеру Киндермана «Ты поручик, я хорунжий — все равно свой брат офицер!» — за эти слова выпороли плетью перед строем.

Начальник Омской крепости, бригадир Карл Львович Фрауэндорф, «большой любитель наук, но человек до крайности жестокий — прославился в конце пятидесятих годов тем, что не появлялся на улицах Омска иначе, как в сопровождении ординарцев, вооруженных плетью, кошками и другими «орудиями». Удостоверено, что иногда, в запальчивости, в утреннюю прогулку до обеда Фрауэндорф истязал людей целыми сотнями»¹.

Начальники хорошо наживались. Многие из них не брезговали, например, пополнять свои доходы работорговлей. Пользуясь теми или иными беспорядками в степи, случаями баранты со стороны кочевников, устраивали целые экспедиции «для поимки неприятельских людишек мужска и женска пола». Выгодно перепродавали рабов. Так, например, мальчик и девочка стоили в те времена 2-х быков, 2-х кирпичей чаю, кожу красную и четверик круп, «инородческая сорокалетняя баба» — 12 рублей. Как видно из этих примеров, цены были не низкие — на рубль в те времена можно было купить пудов восемь муки — следовательно, покупать живой товар могли лишь люди богатые — купцы, священники, генералы, но во всяком случае не население городских форштадтов и прииртышских сел — не пахотные казаки, не крестьяне. Эти люди сами имели участь не лучшую, чем участь азиатских невольников.

Так жила Омская крепость в годы, когда пало Джунгарское царство.

Азиатские соседи становились менее опасны, чем прежде. Но собственная знать, собственное правительство, собственные начальники становились с каждым годом все жесточе и жесточе. Их народ начинал бояться более, чем азиатской орды.

¹ И. Я. Славцов «Историческая хроника Омска».

VI. КРЕПОСТЬ, НЕДАРОМ ПОСТРОЕННАЯ В ТЫЛУ

И под кнутом то кричал злодей:
— Не будут имети дворяне людей, все
отберется государю!
Вам говорю! Вам говорю!

Генералу-поручику Ивану Ивановичу Шпрингеру, прибывшему в Омск в 1763 году, не понравилась ни сама крепость, ни ее население. Особенно не понравилось население форштадта. Клейменные, битые кнутьями.

Иван Иванович так же был встречен здесь без особенного восторга. Никто не удивился, что на смену человеку, именуемому Фрауэндорф явился сначала человек с такой же иностранной фамилией Вейнмарн, а вслед за Вейнмарном вот этот Шпрингер. Но и ничего хорошего от этой перемены не ждали.

Старик Шпрингер не особенно огорчился этими взглядами исподлобья. Придет время, он примется за этих людей. А пока нужно делать то, что в первую очередь велела

императрица. Шпрингер приказал подготовить большие гребные суда для экспедиции инженеров-топографов, отсылаемой им на Алтай. У Шпрингера был свой новый план укрепления южной границы. Предшественник, генерал Вейнмарн, побывший здесь очень недолго, предлагал план не весьма совершенный. Он же, Шпрингер, начертал новый план прикрытия Колывано-Вознесенских заводов в таком размере, чтоб поставить в совершенную безопасность от неприятеля не только эти заводы, но и кондомских татар и, скитающихся на юг от Телецкого озера, раскольников. Линию укреплений от Устькаменогорского и до самого Кузнецка, да и не только эту линию, а много кое каких важных линий еще задумал выстроить он. Шпрингер.

Когда флотилия была готова, Иван Иванович приказал любимым своим офицерам — прапорщику Зеленому и поручику Генизеру отправиться в путь. Перед отплытием он посетил инженерское судно.

В каюте сверкали латунью математические и астрономические инструменты. Они имели причудливую форму и были украшены всевозможными гравированными узорами и завитушками. Шпрингер еще раз предупредил своих инженеров особенно не выставлять напоказ эти инструменты, не раздражать, не пугать туземцев загадочным блеском приборов. Хорошие карманные часы, верный глазомер, надежная сметливость — вот что иногда, в случае надобности, может заменить военному топографу сложный прибор. На прощание Шпрингер напомнил еще раз инженерам инструкцию императрицы, где говорилось, что нужно исследовать как и «впусте лежащее за Устькаменогорском пространство», так и Киргизскую степь, а действовать при этом так, чтоб «исследования одновременно удостоверяли китайцев и в нашем давнишнем обладании Иртышем и Нор-Зайсаном и в наших миролюбивых видах по отношению к соседям»¹.

Флотилия скрылась на юге. Шпрингер же остался в крепости, чтоб переделать эту крепость, чтоб сделать другими людей, обитающих здесь на омском берегу.

Много вещей по расчету Ивана Ивановича требовалось для этой цели: кирпич, грифельные доски, грим, глобусы, флейты, розги, скрипки, книги... — всего не перечесать.

... Прошло несколько лет. И за эти годы неузнаваемо изменился мыс, образуемый правыми берегами Оми и Иртыша. Там, за Омью, на мысу, где прежде торчали бурьяны, выросла новая крепость. Эта новая крепость стояла напротив старой, как молодая красавица перед дряхлой старушкой.

¹ П. Золотов «Некоторые сведения о Западно-Сибирской военной границе в минувшем столетии». Омск 1875 год.

Желтая глина омских обрывов, обжигаемая с помощью сухого тростника степных озер, обратилась в великолепный кирпич. Вольные и невольные строители—ссылные крестьяне и сибирские казаки—возводили из этого кирпича одно за одним прекрасные новые здания.

По последнему слову военной инженерии, по методу distinguished французского маршала Вобана, строил старый Иван Иванович Шпрингер новую омскую крепость.

Вот как описывает эту крепость ученый Паллас, посетивший Омское устье в 1771 году.

«Сия новая, весьма выгодное положение имеющая, Омская крепость укреплена весьма прекрасным образом, по новым военной архитектуры правилам; и с 1768 года, когда она начата, выстроено оной, под смотрением своего основателя, весьма много. Она представляет многоугольник о пяти бастионах, которые к реке Иртышу сходятся и из крепостного дерном выложенного вала и широкого сухого рва, но на одной стороне не совсем еще была оная отделана. В оной уже выстроен прекрасный генеральский дом на каменном фундаменте; подле оного провиантская канцелярия, гауптвахта, перед которой выставлены артиллерийские снаряды, протопопский дом и различными изрядными офицерскими домами и казармами застроенные улицы. Строится же еще прекрасная каменная церковь, по выстроению коей церковь соборная в старой крепости сломается; дом для городской школы, в коем воспитываться будут драгунские и казацкие дети; и сие есть одно из достохвальных новых заведений; дом для приезжающих почетных иностранцев и дом комендантский; оба проходят по сторонам генеральского дома; дом для протестантского сибирской дивизии священника, и прочие, офицерскими домами и казармами застраиваемые улицы, кои план крепости дополняют... на главном месте крепости выкопаны изрядные колодцы. Словом сказать, все при заложении сей крепости рассмотрено, дабы учинить оную достойную счастливых времен Великия Монархини и всевысочайших премудрых ея намерений».

Такую прекрасную крепость воздвиг на Оми Иван Иванович Шпрингер. А напротив крепости за Иртышем поставил он маяк, нареченный Елизаветинским. У этого Елизаветинского маяка, или, иначе, Елизаветинской защиты, устроен был базар для меновой торговли с азиатцами. Русские торговцы поставляли на этот базар бархат, бумажные и шерстяные материи, «мягкую рухлядь» — меха из северных сибирских лесов, — сукно, зипуны, чугунные изделия, железные изделия, деревянную посуду. Куп-

¹ Несколько позднее в конце XVIII века были возведены каменные арки ворот. Их было четыре: восточные «Омские» 1791 г., южные «Иртышские» 1792 г., западные «Тобольские» 1791 г., северные «Тарские» 1791 г.

цы из сопредельных стран Востока привозили сюда то, чем богаты их страны — можно было купить здесь и ташкентские выбойки, и цветные китайки, и войлок, и белую, либо полосатую бязь, и бумажные халаты, и фанзу и кирпичный чай. Кочевники казахи и калмыки пригоняли сюда рогатый скот, лошадей, баранов и даже... живых людей. Казахи продавали захваченных в плен калмыков, калмыки — казахов. Сыны востока не стеснялись предлагать этот товар русским, ибо, как мы уже знаем, и многие крепостные начальники не брезговали работоторговлей. К тому же, последними теперь было придумано моральное оправдание таким сделкам. Сибирский губернатор Мятлев изложил правительству свои соображения на этот счет так: выменивая пленных должно обращать их в христианство.

Иван Иванович Шпрингер был положением вещей очень доволен. Он с удовлетворением рассматривал новый рынок за Иртышем. И рынок, и Елизаветинский маяк, и новая крепость—все это было делом его рук. Находились, правда, скептики, которые недоуменно пожимая плечами, вопрошали: зачем здесь в глубоком тылу воздвигнута Иваном Ивановичем сия грозная вобановская крепость? Не лучше ли было строить такие крепости где нибудь на Алтае, куда Иваном Ивановичем и посланы военные инженеры, либо у пределов среднеазиатских ханств? Против кого обороняться Омску? Или Иван Иванович думает, что сюда, все-таки, однажды дойдут ногайцы? Или вновь возродится грозное джунгарское ханство? Ведь как раз в эти годы калмыки снова заставили заговорить о себе. Разразились там в Поволжье неприятные для правительства события. Калмыки, переселенные на Волгу после памятных событий 1755 года, не нашли здесь счастья. «Лунь вырвался из пасти дракона, но попал в цепкие когти двуглавого орла!» Русские крепостники оказались не более добры к несчастному народу, чем азиатские владыки. Вот почему в 1771 году многие калмыки решили вернуться обратно в Джунгарию. Но из тридцати трех тысяч семейств вернулось на старую родину не больше половины. Тисяч пятнадцать нашли себе смерть в дороге. Те же, кто, все-таки, добрался до китайского рубежа, также не получили радости, ибо оказалось, что «войлочные пути сменены на пути железные». Плохо принял Китай эмигрантов. И те, которые ушли в Китай, пожалуй, завидовали теперь тем, которые остались на Волге...

Нет! Иван Иванович Шпрингер не боялся никаких калмыков, ни прииртышских, ни поволжских. Те и другие теперь бессильны. Но кого же он в таком случае боялся? Неужели Иван Иванович всерьез убоялся казахов? Богатые казахи с увлечением торгуют там, у Елизаветинской защиты за Иртышем. Ханы и султаны давно расписались в своих добрых чувствах. Аблай хан еще генералу Киндерману двадцать лет назад прислал письмо, полное самых дружеских уверений. Это письмо хранится в канцеляриях,

пусть мол Киндерман пошлет лису! «И что я у вашей милости попросил — писал Аблай хан — о том на меня не погневайся, пожалуй, все то ради дружбы нашей о чем и просьба моя окончилась». Лисицу он получил. И не только лисицу. Влиятельным казахским аристократам выгодно иметь дело с сибирским начальством. По крайней мере здесь, в Средней орде, дело обстоит так. Это ведь в Малой орде, у Каспия, на западе, опять таки близ Волги начинаются какие то волнения, ханы не могут сладить с народом, а у нас в Сибири все, слава богу, благополучно! Ханы сильны и влиятельны. Правда, казахи пошаливают изредка, занимаются по привычке барангой, отгоняют скот, не прочь захватить в плен зазевавшуюся крестьянку или беглого посельщика, но все это — мелочи. Стоит договориться с ханами, султанами и все будет в порядке. Ни один хан, ни один султан не позволит себе такого необдуманного, а главное, невыгодного поступка, как пойти войной на Омскую крепость. Хана всегда можно купить! А ханы приведут чернь к покорности.

Находились и такие злоязычные люди, которые утверждали, что Иван Иванович затеял всю эту постройку лишь для того, чтобы натянуть нос одному важному вельможе. Сей вельможа, князь Потемкин, мол, всяко удивлял матушку государыню, когда она путешествовала на юг. А Иван Иванович приготовил государыне сюрприз здесь, на востоке. Прекрасная как мираж крепость возникает над Иртышем на встречу царице. Это, мол, не потемкинская деревня!

Но и эти злоязычники были, пожалуй, не менее далеки от истины.

Иван Иванович Шпрингер молчал и улыбался. Екатерина II, «матушка государыня» и без посещения крепости понимает, что сделан ей приятный сюрприз. Недаром соизволила подарить великолепные священные сосуды для нового омского военного собора. Почему императрица должна быть особенно довольна новою крепостью Иван Иванович не считал нужным говорить, памятуя изречение о том, что слово — серебро, а молчание — золото.

Часы досуга он проводил среди молодых офицеров гарнизона, беседуя с ними главным образом о литературе, об искусстве. Он давал молодежи книги из собственной библиотеки. Он приглашал бравую молодежь на обеды, на ужины в свой дом, откусать чем бог послал, по домашнему. Но эти домашние скромные трапезы сопровождались такими салютами крепостной артиллерии, что шарахались кони в степных табунах за Иртышем, на территории кочевья киргиз-кайсацкой орды. И дрожали от грома пушек ветхие деревянные избушки крепостного форштадта. Иван Иванович поощрял и устройство вольных собраний для господ офицеров с угощением на общественный кошт. Благородные люди должны объединиться! По инициативе Ивана Ивановича был

создан при чертежной небольшой, но уютный оперный дом, где чинились представления разных трагедий и комедий. Ставили оперу «Лиза», оперу «Разносчик», устраивали маскарады. Так Иван Иванович «полировал» молодежь, обращая особое внимание на офицеров казачьих. Он, Шпрингер, не какойнибудь дурак вроде Киндермана, который в своей глупой надменности не считал казаков-сибиряков за людей!¹

Много труда положил Иван Иванович и на устройство школы для детей военнотружущих. В этой школе стали учить ребятшек «всему строевому и до воинской службы и ее порядку принадлежащему: грамоте, арифметике, барабанщицкой науке, игре на флейте». Учителями Шпрингер назначил людей сведущих, особенно по части математики.

Задумал он обучать этих ребят китайскому, казахскому и калмыцкому языкам, чтоб иметь преданных толмачей переводчиков. И все это: грозные крепостные бастионы по плану маршала Вобана, оперный дом, школа для сопливых казачат — все, все вело к одной цели... Не китайцев, не вздорных, склонных к измене азиатских ханов боялся Шпрингер. Нет.

С предупредительной улыбкой, не как зверь Фрауэндорф, шествовал Иван Иванович по грязным улицам форштадта. Он расспрашивал, как живет пахотным казакам. Справлялся, как чувствуют себя поселщики — кто женился на колоднице, кто собирается это сделать, а если не собирается, то почему? Лишь в случае крайней необходимости приговаривал Иван Иванович «подлых людей» к телесному наказанию.

Но не любовь, не симпатия, а холодный расчет руководили генералом-поручиком. Будучи мягок, избегая наказывать, он все же держал у себя в крепости целый штат палачей-профессионалов. Могут понадобиться! Он знал что надо быть настороже.

Шпрингер понимал, что где то поблизости зарождаются силы более страшные, чем полчища китайцев. И надо готовить людей, способных бороться против этого нового грозного врага. Подкупать, награждать, устрашать.

Враг был не ханом, не султаном. Но опасность таилась и в аулах казахов, в селениях башкир на западе, в русских деревнях и, наконец, здесь, близко, в форштадте.

¹ Сохранился интереснейший исторический документ, рисующий быт обитателей Омской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей второй половины XVIII века. Это «Домовая летопись капитана Андреева», изданная в «Чтениях Московского общества истории» в 1870 году. Наряду с рассуждениями на философские и исторические темы там мы находим чрезвычайно яркие характеристики современников автора, эконоимические заметки, рассказы о балах, происшествиях. Так, капитан Андреев рассказывает между прочим и о посещении «оперного дома, учрежденного от генерала Шпрингера специально для полирования молодых людей». «Я был на маскараде, — повествует в одной из позднейших записей Андреев, — в матросском платье, белое все, кушак алый, шляпа, распущенная, обшита флером с султаном».

Не люди ли этого форштадта передавали из уст в уста, таинственно и радостно, рассказы об упорстве ялutorовских мужиков, взбунтовавшихся против начальства, вводившего казенную пахоту? Люди форштадта и ближних прииртышских сел принимали и таили беглецов с Урала, бунтовских рабочих, которые не захотели работать на заводах медных и железных руд. «Лучше-де быть в каторге, чем работать без денег рудному фабриканту!» Вот о чем тут шли разговоры. Здесь, в форштадте, люди Шпрингера впервой подслушали толки об «Алтынном глазе», человеку по прозвищу Слудникове, ибо отец его, драгун Тобольской провинции Каменщиков добывал слюду. Слудников — Алтынный глаз появился еще в 1765 году, неподалеку от Омской крепости — у Маслянского острога Барневской волости, что близ Шадринска. Алтынный глаз толковал, что Петр III не умер, а по ночам ездит. Слух об этом в том же году докатился до Омской крепости...

Алтынный глаз был лишь предвестником некоей, неясной, неопределенной еще опасности, но, как это понимал Шпрингер, опасности все же более реальной, чем китайцы и строптивые казахские султаны.

Старый и мудрый генерал-поручик не вернулся на запад в Европу. Он умер здесь, в Омске. И был похоронен на левом берегу Оми. Монумент Ивану Ивановичу Шпрингеру был воздвигнут на месте упраздненной им, Шпрингером, бухгалтерцевской крепости¹.

Иван Иванович четвертый год уже покоился в могиле, когда разразились те события, которые он предугадывал и которых боялся.

На востоке России появился человек, тот человек, которого увидел во мгле будущего зоркий «Алтынный глаз», тот человек о появлении которого узнала вскоре вся Европа. Это был человек в косоворотке, в красных шароварах, — чернобородый вождь, одетый в казачий кафтан.

Наискось через всю казахскую степь из Оренбурга в Омск промчались гонцы. Оренбургский губернатор Рейнсдорп уведомлял начальника сибирской пограничной линии Де-Колонга о том, что «сверх всякого чаяния около Яицкого городка сказался нарушитель государственного покоя злодей казак Емельян Пугачев, именующий себя Петром III. День ото дня увеличиваясь, Пугачев идет на дворян.

Так было сообщено в письме, привезенном гонцом из Оренбурга.

Но скакали через степь, шли лесами, кралась через Урал и другие гонцы, гонцы не к начальству и не от начальства. Это были свободные гонцы, гонцы тайные.

¹ Немного к юго-востоку от известной омичам Ильинской церкви.

Таинственные гонцы появились даже в Тобольске, к ужасу губернатора Чичерина. Появились они и в Омске.

В начале 1774 года в Омске у стен крепости был изловлен мятежный Ивашка Алексеев, крещеный калмык. Зачем он оказался здесь? Палачи жестоко драли его плетью, но, закусив язык, Ивашка ни о чем не поведал, ибо он явился для разговоров не с начальством.

Запытали Ивашку, но за Ивашку, то, что надо рассказывали простому народу другие.

В омской тюрьме томился среди других восьмисот колодников Василий Морозов.

22 марта 1774 года преемник Ивана Ивановича Шпрингера, комендант Омской крепости бригадир Клавер, в своем рапорте сибирскому губернатору доносил:

«Содержащийся в омской тюрьме ссыльный колодник Василий Морозов разным людям передавал: «не будут иметь дворяне людей, все отберется государю. Во время погребенья Петра Федоровича государыни не было, а он отпущен жив и жил у римского папы в прикрытии и потом, когда он вышел от папы в Россию, подобравши партию, в то время осматривали гроб, в котором и нашли восковую статую. У Пугачева-де продается соль по 20 копеек, а вино по рублю ведро, может быть и здесь в Омске будет, если доживем и он, Пугачев, придет сюда в крепость».

Омская крепость оказалась не зря выстроена в степи. Пехота и артиллерия пошли отсюда в бои, не на внешние границы. Сражения происходили в глубоком тылу государства. Войска Де-Колонга бились с пугачевцами под Челябиной! В войсках Пугачева были и казаки, и казахи, и башкиры, и калмыки, и русская и азиатская беднота.

VIII. ГОСТИ ГОРОДА МЕРТВОГО ДОМА

Ты знаешь ли своих сограждан?
Смешно бы было знать о каждом,
Так вспомним хоть о тех из них,
Которых нет уже в живых!

Девятнадцатый век застал Омск штатной крепостью второго класса. Другими словами, омская крепость была наиболее значительной в Западной Сибири. Петропавловская и Устькаменогорская крепости считались третьеклассными, остальные шестнадцать—заштатными. В Омске находилось порядочно войска—три с половиной тысячи солдат при сотне обер-офицеров, а кроме того здесь имело резиденцию важное пограничное начальство—пограничная комиссия, которая работала под председательством корпусного командира. Эта комиссия разрешала политические и стратегические вопросы, касающиеся обширного степного края. Здесь, в Омске, решались судьбы Средней орды. Прием казахов Сред-

ней орды внутрь линии, на всегдашнюю кочевку, пропуск на временную кочевку, управление и расправы с ними внутри линии, отправление ко двору депутатов от линейных казахов, выдачи похвальных листов и свидетельств на старшинское звание, определение мулл, разбор дел о баранте, сношения с отдаленными степными правителями — все это лежало в ведении пограничной комиссии, имеющей свою резиденцию, здесь, в Омской крепости. Здесь же, в Омске, в верхнем этаже гауптвахты при военно-сиротском отделении было еще с 1789 года основано училище азиатских языков — школа толмачей переводчиков с татарского, монгольского и манчжурского языков. Это, задуманное еще Шпрингером, предприятие осуществил его преемник генерал-майор Шграндман. Ведь из Омска ходили экспедиции далеко на юг и на восток. Так, например, уже в 1794 году из Омска ходила военная экспедиция в «Ташкентию» для зачина торговли с ташкентцами и поисков близ Ташкента горы, будто бы, изобилующей золотой и серебряной рудой. Переводчиков надо было не мало!

В школе толмачей учились дети казаков и дети чиновников из магометан, служивших в пограничном штате. Вместо-же военной школы, когда то основанной Шпрингером, в годы отечественной войны было, по мысли генерала Глазенапа, открыто в Омске войсковое казачье училище, учебное заведение более серьезное, где стали учить не только грамматике, арифметике и барабанному бою. В числе «блюдителей» этого училища или, как еще их тогда называли — гувернеров — мы видим преподавателей немецкого языка Бодштейна и Берга, преподавателя французского языка Де-Витта, преподавателя каллиграфии Рагузского. Все трое — военнопленные наполеоновской армии, добровольно оставшиеся на службе в сибирском казачьем войске.

Так жил Омск военно-чиновничий. Начальники муштровали солдат, наставники — учеников, писаря штаба и пограничного правления строчили гусиными перьями в канцеляриях. Для лиц административных и их семей по праздникам устраивались традиционные балы, а по вечерам, в будни, более скромные увеселения: кой-какой казенный фейерверк, танцы. Офицеры, чиновники и важные крепостные дамы гуляли в роще, а затем общество возвращалось в крепость, где совершалась с полной церемонией вечерняя заря. Крепость, как свидетельствует современник, «окруженная широкой эспланадой, выглядывала чем то вроде уединенного монастыря. Казавшаяся замкнутость ее обязательно поддерживалась тем, что ее башни и ворота на ночь были постоянно запираемы на замок, а перед прилегающими к ним мостами через ров — снаружи, по линии рогаток, шедших по гла-сису, опускались тяжелые шлагбаумы».

Город, лежащий у стен этой крепости, жил иной жизнью. Не белый камень палат, но гнилое дерево изб. Не дворяне, а потом-

ки посельщиков, крепостных людей, сосланных помещиками в Сибирь за продерзость. Потомки казаков, из которых вольность высекли розгами, выбили палками, выдрали плетками. Недаром один из путешественников заметил, что жители Омска «страдают своеобразной, можно сказать, болезнью—хандрой». Путешественник приписал это суровости местного климата и свойственному здесь за Уралом недостатку развлечений. Но климат таким же был и в крепости. И хотя крепость походила на монастырь, но там, у начальства, не было недостатка в развлечениях. Таким образом суть дела была не в географическом положении города Омска, этого города, где путешественник не заметил «ни ремесленников, ни художников», где таинственная хандра царила над несколькими тысячами обитателей Ильинского, Вознесенского, Бутырского, Мокринского, Кадышовского и Казачьего форштадтов.

Город все-таки рос. Вверх по Оми, лепясь к ее берегам, выползло новое предместье, новый форштадт, так и названный Выползки.

Эти форштадты, грязные и жалкие, не однажды претерпевали грозное очищение огнем или водой. Двести двадцать жилищ, половину города, затопили Иртыш и Омь в 1818 году. Но не успел Омск обсохнуть, как в следующем году был он основательно просушен великим пожаром. Он начался в крепости, при северо-западном ветре. Вихрь вытянул сноп пламени из трубы офицерского дома. Этот горячий смерч, в котором крутились пылающие головешки, перекинулся на форштадты. Пылало топкое Мокрое, пылала Кучугуры. Огонь перешел за тихую Омь на Ильинский форштадт. Кроме 60 обывательских домов сгорели гостинный двор, около сорока лавок, казенный питейный дом, городская ратуша.

В таком жалком состоянии застал город Михаил Михайлович Сперанский, во время своей известной поездки по Сибири. Многого ждали сибиряки от этой ревизии графа Сперанского. Дрожали казнокрады и насильники всюду от Тюмени до Охотска. С великой надеждой на будущие «реформы» встретило графа и население омских форштадтов. Сперанский пожил в крепости, осмотрел город, поинтересовался бытом казахов, обитающих в степях за Иртышем. Когда граф уехал, подобревшие к народу начальники говорили, что вот скоро наступят новые времена... Но проводить в жизнь выработанное Сперанским «Учреждение об управлении Сибирских губерний» явился в Омск некий новый начальник «худощавый, смуглый собой, имевший огненные глаза и улыбку насмешливую». Это был генерал-лейтенант Капцевич. Он подтвердил, что позаботится о росте города и о росте благосостояния омичей и... для начала создал в городе некую новую торгу, учреждение, мало отличающееся своим внутренним порядком от старой омской военно-каторжной тюрьмы. Учреждение называли казачьей суконной фабрикой. Городских женщин,— не дворянок, не офицерш и чиновниц, конечно,—но мещанок и жен казаков посылали работать на эту фабрику в наказание за мелкие

проступки. Туда же назначали работать казаков престарелых и увечных, подростков, а также ссыльных... Это была большая крепостная мануфактура, построил ее Капцевич на казачьи деньги казаков же заставил поставлять сырье. Казаки прииртышских станиц по команде Капцевича и под присмотром офицеров занялись овцеводством. Кое кто из казаков ухитрялся получать добровольные пожертвования от азиатцев. Султаны и баи не отказывались от таких подарков генералу Капцевичу, но, разумеется, делала эти широкие жесты за счет бедноты.

Суконную фабрику построили на пустыре; заросшем мелким кустарником, неподалеку от войскового казачьего училища¹. Сначала на фабрике работали два станка, потом постепенно число станков увеличилось до пятидесяти. С 1822 по 1824 год было выткано 26240 аршин сукна. В 1826 году было выткано около восьмидесяти тысяч аршин сукна разных цветов — темно-зеленого, серого, алого. Серое сукно шло в войска, цветное сукно покупали и частные лица. Крепостные дамы не брезговали темнозеленым и алым сукном, вытканным жителями форштадтов. Фабрика работала от темна до темна. Вечерами, когда благородное общество проходило полонезом с галлерей бульвара в городскую рощу, за Омыю, на фабрике, женщины, подростки и старики все ткали и ткали сукно. Генерал-губернатор Капцевич радовался, что наконец нашел достойную работу для унылых и неприветливых жителей форштадтов. Он, Капцевич, умел распоряжаться людьми. Не он ли заставил крестьян в самый кратчайший срок проложить через топи и болота прекрасную дорогу, когда в Сибирь пожаловали в гости особы царствующего дома. Это стоило несколько сот человеческих жизней, но особы царствующего дома не тряслись по кочкам! Не он ли, Капцевич, ввел настоящую дисциплину, не только в казачьих станицах, но и в крестьянских селах. Сибиряки теперь узнали, что такое настоящий порядок. Розги и шпирутены! Деревень и казачьих станиц теперь не отличишь от военных поселений, созданных там, в России, графом Алексеем Андреевичем. Мужики стали солдатами, солдаты мужиками. Граф Аракчеев не будет недоволен своим учеником.

Петр Михайлович Капцевич богстворил Аракчеева. Он был обязан графу всем: повышениями по службе, орденами, должностями... И жители города Омска ненавидели Капцевича не меньше, чем жители далеких военных поселений ненавидели страшного графа.

В 1826 году обитатели крепостных форштадтов узнали о декабрьских событиях в Петербурге. Через Западную Сибирь на каторгу везли декабристов. Начальство объясняло, что это злодеи. Но, видно, уж это были хорошие люди, коли даже старый тар-

¹ Каменное здание на углу современных улиц Карла Маркса и Красных зорь.

ский полицеймейстер Степанов, боевой офицер в прошлом, встречал государственных преступников как дорогих гостей, всячески угощая и ублажая их. Капцевич привлек старика Степанова к ответу... Когда декабристов провозили через Омск, старое желтое здание почтовой станции на Варламовской улице было окружено войсками. «Подлых людей» гнали с дороги. Но в избушках Мокрого форштадта, на «Выползках», в Кучугурах шли толки о том, что провезли на каторгу, на лютую муку, страдальцев за народ. Ямщики, привозящие не только кладь и пассажиров, но и самые важные новости, рассказывали о том, что далеко не один тарский полицеймейстер Степанов встречал государственных преступников с честью. Мол, и сам тобольский губернатор Бантыш-Каменский их принимал почтительно. А в Каинске, мол, городничий, бывший фельдъегерь, гроза ямщиков и крестьян, так тот вышел навстречу декабристам с коробами всякой снеди и вина. Кричал: «Ради бога, примите! Нажил не совсем честно, взятками! Но возьмите! На душе легче станет!» Вот даже такой ирод преклонился перед мужеством борцов за народ. Лишь аракчеевца Капцевича ничем нельзя было пронять.

... За эти годы, начиная с 1826-го, перевидели жители Омска много невольных гостей. Через писарей и солдат узнали омичи, что один из декабристов, не попавший на каторгу, отделавшийся только ссылкой, прислан сюда, в Омск, «для определения на службу». Фамилия его была Семенов. Вскоре увидели этого человека. Он ходил, вместо господской шубы, в простом тулупе. Так хотел сам. Узнали, что не желает носить форменного мундира, а ходит всегда в одном и том же скромном черном сюртуке. С интересом наблюдали за дальнейшей судьбой этого человека. Капцевич сплавил Семенова на далекую окраину — в Устькаменогорскую крепость. Другой местный начальник — управляющий омской областью, генерал лейтенант Де-Сен-Лоран, симпатизируя Семенову, дал ему неплохое, там, в Устькаменогорске, назначение — быть окружным судьей. Капцевич воспротивился. Перевел декабриста на низшую должность, назначил простым канцеляристом. В конце 1827 года Де-Сен-Лоран выписал Семенова обратно в Омск из Устькаменогорского захолустья. Капцевич в это время, к радости омичей, уже уезжал из Сибири. Казалось, что декабристу обеспечена теперь спокойная жизнь — не будет грызть его лютый аракчеевец. Но не тут то было — уехал Капцевич, а его клеветы остались. Может быть, Капцевич на прощание и продиктовал офицеру Жуковскому донос, из которого Бенкендорф узнал, что в Омске, под крылышком Де-Сен-Лорана «составилась шайка из гражданских чиновников, употребляющая разные средства к разрушению общественного спокойствия». «Лицо, управляющее вредными действиями, — писал доносчик, — есть некто Семенов, тот самый, который был в тайном обществе в числе государственных преступников. Он, вредным своим умом и

хитрыми происками, не только достиг того, что вызван в Омск, вопреки назначению бывшего генерал-губернатора, отправившего его в отдаленное место, но успел даже снискать общую благосклонность».

Новый генерал-губернатор Вельяминов с достоинством ответил шефу жандармов на его запрос. Вельяминов указал, что сколь ему известно, в Омске не могло составиться зловерной шайки гражданских чиновников, а причина доноса офицера Жуковского — ссора военных с гражданскими чиновниками. Но все же Семенова снова удалили из Омска, хотя вскоре Де-Сен-Лоран выдумал декабристу неплохое порученье — сопровождать по Омской области путешественника Гумбольдта. За это Де-Сен-Лорану и генерал-губернатору Вельяминову снова «нагорело» из Петербурга. Лишь после этого симпатичный народу барин в тулупе был окончательно водворен из Омска на службу в Туринск.

Тогда же при генерал-губернаторе Вельяминове появился другой необыкновенный гость, которым заинтересовались и жители крепостных чертогов и жители форштадтских хижин. Лица низшего сословия толпами шли к стенам крепости, чтоб слышать замечательную музыку нового крепостного оркестра. Никогда еще не играл так оркестр! Словно какой волшебник явился в крепость.

Волшебника звали Александр Алябьев. Это был ссыльный волшебник. Знаменитый русский композитор, автор известных всему миру романсов «Соловей мой соловей» и «Вечерний звон», Алябьев попал в 1828 году в Сибирь из за своего буйного нрава. Этот бывший гвардейский офицер не был замешан в деле политики, причиной ссылки послужило недоразумение за карточным столом, в результате чего другой участник ссоры скончался. В Омске Алябьеву поручили сформировать новый казачий духовой оркестр. Но недолго услаждал Алябьев крепость и город. Вскоре он уехал в Тобольск, а затем, получив прощение, вернулся в Россию¹.

В начале тридцатых годов, когда омское начальство увлеклось строительством трех новых зданий — каменной мечети², нового дома для знатных иностранцев³ и казачьего собора⁴ не-

¹ Подробно об Алябьеве смотри нашу статью «Алябьев за Уралом», журнал «Омская область» № 7 за 1939 год.

² Эта мечеть сохранилась и до сих пор. Она стоит на улице Карла Маркса. Строилась она отчасти на средства казны, отчасти на пожертвования, сделанные зажиточными магометанами.

³ По данным А. Н. Седелникова, Т. П. Белоногова и П. Н. Столянского («Россия. Полное географическое описание нашего отечества» том XVIII, глава IX) эта новая гостиница для знатных иностранцев находилась в том доме, где впоследствии была гостиница Щепановского, т.е. в деревянном доме на углу современных улиц Карла Маркса и Чкалова, в том квартале, где и мечеть. Теперь это — коммунальный дом.

⁴ Ныне клуб строителей.

ожиданно прибыли в Омск новые подневольные гости — поляки, сосланные за восстание 1830 года. Затем произошло событие, взбудоражившее не только весь Омск но и всю Сибирь. Поляки, размещенные по линейным и казачьим войскам, составили заговор о восстании. Генерал-губернатор Вельяминов доносил военному министру и министру внутренних дел о намерениях заговорщиков следующее: заговорщики решили «в ночь на 25 июля 1833 года зажечь суконную фабрику линейного сибирского казачьего войска, кинуться к острогу, выпустить оттуда всех арестантов, отнять у караула оружие, броситься в казармы, колоть спящих солдат, у пушек казачьей артиллерии заклепать затравки и идти в киргизскую степь». Причиной, толкнувшей поляков на заговор было, как это признавалось и самим генерал-губернатором Вельяминовым, грубое и оскорбительное обращение мелкого начальства с поляками в казармах. Вести следствие о заговоре был уполномочен начальник штаба отдельного сибирского корпуса генерал майор Броневский, тоже поляк.

Во время следствия по этому делу был привезен под конвоем в Омск странный и бестолковый человек, князь Иосиф Викентьевич Друцкий-Горский. Этот князь, бывший по 1822 год кавказским вице-губернатором, был сослан в Сибирь, в Березов, по делу декабристов. Сам он себя не считал принадлежавшим к этому тайному обществу. В прошениях своих по поводу смягчения участи князь уверял, что будучи давно нездоров, получив еще в отечественную войну тяжелые ранения на поле брани «отчего родились разнообразного рода многосложные тяжелые болезни как-то: эпилепсии, конвульсии, желудочные и грудные спазмы, ломоты в костях, ревматизмы, подагра и хирагра, сильная ипохондрия и род периодического сумашествия и всякого рода многосложный геморой» — он, Друцкий - Горский, по существу ни в чем не виновен, но «впал в подозрение странным образом», ибо «лишь самонадеянность и неосмотрительность завлекли его на Сенатскую площадь в толпу любопытных узнать причину их крика». «Вседержитель видит все изгибы сердца моего, что я не причастен ни к какой другой вине, кроме как к неосторожности!» — зывал Горский из Березова, куда попал вместе с декабристами Ентальцевым, Черкасовым и Фогтом. Когда же плаксивого князя перевели в Тару, он, воспрянув духом, написал гнусный донос на Ентальцева, Черкасова и Фогта, обвиняя их в мятежнических замыслах, а березовское начальство во всяческих злонамеренных поступках. Но в Таре он сам попал в беду — местное начальство сочло его за человека с характером злым и коварным, за человека, «который вступается в дела ему не принадлежащие, входит в суждения, толкуя все обстоятельства в противоположную сторону, в разговорах же насчет российского правительства бывает иногда дерзок, отлично привержен к полякам, коих прежние права защищает с жаром». Словом, во время бунта

Друцкого схватили по подозрению в принадлежности к бунтовщикам. Однако, он был признан невиновным и освобожден из под стражи с разрешением жить в Омске. Тут он затеял процесс против своей дочери, у которой вознамеревался отобрать денежные средства, якобы принадлежащие ему. Но оказалось, что муж княжны Ольги, лейб-гвардии московского полку прапорщик Кузьмин, обнаружив страсть к картежной игре и нетрезвой жизни, успел за это время промотать все женины средства. Затем Горский пытался добиться разрешения возвратиться в Россию. В этом было отказано и неугомонный старик навсегда остался жить в Омске, затевая все время дела то об оскорблении его частными лицами, то об оскорблении его полицией. Он умер в Омске в 1849 году 83 лет от роду и, как пишет Дмитриев-Мамонов, похоронен на Омском иноверческом кладбище, ныне уже упраздненном и памятника, свидетельствующего места его погребения не сохранилось¹.

Незадолго до смерти этого человека прибыл в Омск на жительство декабрист Басаргин, Николай Васильевич, бывший лейб-гвардии Егерского полка поручик, приговоренный сначала к политической смерти и ссылке на вечные каторжные работы, пробывший на каторге долгие годы, а в 1835 году переведенный на поселение в Туринск. В 1846 году Басаргин определен был на службу в Омск, в штат канцелярии пограничного начальства Сибирских киргизов. Он служил здесь полтора года, затем перевелся на службу в Ялуторовск. С пребыванием декабриста Басаргина в Омске связана, как нам кажется, судьба замечательного русского художника Михаила Александровича Врубеля. Отец художника, офицер Александр Михайлович Врубель, служил в Омске и в середине пятидесятых годов женился на Анне Григорьевне Басаргиной, по отцу своему родственнице декабриста Басаргина. Сын Александра Михайловича Врубеля и Анны Григорьевны Басаргиной, Михаил Врубель, будущий художник, родился в Омске в 1856 году и жил здесь до 1859 года, пока не был увезен родителями в Астрахань².

Возвращаясь к сороковым годам, мы должны сказать, что в эти годы, годы управления краем бездарного генерал-губернатора Горчакова, жизнь в Омске была весьма невеселой. Строился город мало. Общественная жизнь почти отсутствовала. Клуб, как его описывают современники, походил более на трактирное заведение, где по вечерам преириались и сплетничали, ехидно обвиняя друг друга во взяточничестве и злоупотреблениях, крепостные начальники. Да и было в чем обвинить друг друга если вспомнить старую пословицу «каков поп, таков и приход». Князь

¹ Все о Друцком цитировано по Дмитриеву-Мамонову.

² По сведениям старого омича, писателя Антона Сорокина, Врубели жили в одном из домов по Тарской улице.

Горчаков методами своего управления ухитрился вызвать два крупнейшие восстания на территории Западной Сибири — в южных степях восставали казахи, на севере, в тундре, поднял бедноту против купцов и чиновников, озлобленный их лихоимством, смелый ненец Ваули Пиеттомин. На севере и на юге от Омска лилась кровь. В Омске, в этой грозной еще крепости, все было спокойно, но население крепостных форштадтов невыходило из того состояния, которое путешественники деликатно именовали хандрой.

В 1849 году, зимой, из тобольской пересыльной тюрьмы были отправлены в омскую военно-каторжную тюрьму два узника. Перед отъездом узников из Тобольска с ними добились свидания четыре женщины, которые доставили арестантам обед и подарили евангелия. Женщины были жены ссыльных декабристов—Муравьева, Фонвизина и Анненкова с дочерью. Узники, с которыми женщины добились свидания, были петрашевцы—поэт Дуров и писатель Достоевский.

Достоевский пробыл в Омске на каторге четыре года. Несмотря на то, что даже дочери генерал-губернатора Горчакова всячески убеждали тупоумного князя-отца облегчить участь писателя, князь ничего не сделал для Достоевского. Достоевский, как и все каторжники, с обритой наполовину головой, задыхался в вонючей камере, ходил под конвоем и в кандалах в церковь, мылся в бане, волоча по мокрому скользкому полу свои кандалы, отдыхая в больнице, считал за счастье закутаться в запачканный кровью и гноем халат, немытый халат, снятый с плеч другого каторжника. Достоевский толлок и обжигал алебастр, носил кирпичи для постройки омских казарм, разбирал, стоя по колена в воде, старые баржи на Иртыше. Князь Горчаков делал все, чтобы жизнь Достоевского была совершенно беспроектной и страшной. Но были в Омской крепости смелые, честные люди, которые чем могли помогали писателю. И эта помощь — моральная и материальная — была не малой. Мы говорим о докторе Троицком, о фельдшере, чье имя нам неизвестно, у которого оказались на хранении начатые Достоевским в Омске литературные работы, мы говорим о молодых офицерах Омского гарнизона, которые пользовались каждым удобным случаем, чтобы оказать ту или иную услугу писателю — вывести его хоть на час из обстановки каторжной тюрьмы, дать ему возможность почитать свежие газеты, журналы, рассказать ему о новостях¹...

Словом, лучшие, честные образованные люди Омска прекрасно понимали свои обязанности по отношению к писателю, попавшему на каторгу.

Получал Достоевский помощь и от людей, которые жили

¹ Подробно о Достоевском в Омске см. статью Говорова «О пребывании Ф. М. Достоевского в Омске» журнал «Омская область» № 8 за 1940 г.

вне стен крепости, от людей из форштадтов. Когда сердобольные омские простолюдины подавали каторжникам копеечку, Достоевский, вместе с другими несчастными, ел калачи, купленные на эту омскую милостыню.

Омская каторга изображена в «Записках из Мертвого дома». Мертвый дом стоял в северо-восточном углу крепости, поблизости кордегардии. Это здание тюрьмы давно уже сломано и на его месте построены были каменные двухэтажные казармы.

Мертвый дом находился не только в северо-восточном углу крепости. Весь город был мертвым в те мрачные годы. На улицах, как удостоверяют современники, редко было можно встретить прогуливающихся людей. Лишь «нищие киргизки» с детьми часто бродили по улицам мертвого города. Это были женщины из аулов за Иртышем, из селений таких же бедных, как и русские села, как и форштадты города Омска.

VIII. СУДЬБА СТЕПНЫХ СОСЕДЕЙ

За крепостью верблюжий рев,
Бичи и плач собачий.
О, тощие бока коров!
Пришел аул бродячий.

Н

ищие казахи приходили в Омск из за Иртыша из разоренной степи. Казахский народ бедствовал. Они бедствовали издавна, эти кочевники.

Большая орда, Средняя орда, Малая орда! Когда то эти названия звучали грозно для соседей. Большая орда, летом кочевавшая в долинах и меж горных хребтов системы Тянь-Шаня, имела зимовки на берегах Балхаша и, по рекам Чу, Талас, Или. Малая орда, зимовавшая по северному берегу Каспия и по низовьям Сыр-Дарьи, уходила на летовки к современному Актюбинску, Троицку, Кустанаю. Орда Средняя, зимовавшая по рекам Сары-Су, Чу и на среднем течении Сыр-Дарьи приходила летом на берега Тобола, Ишима и Иртыша.

Еще в начале XVI века, после распада государства Тимура, казахские орды образовали три отдельные государства, три ханства. С этих пор особенно усилились сословья. Народ казахский все сильнее и сильнее испытывал на себе тяжесть зависимости от аристократов, от ханов, от ханских родственников султанов, управляющих отдельными родами, баев — владельцев крупных стад, хожа — духовных особ, считающих себя потомками самого пророка Магомета. Но народ верил своим начальникам, народ надеялся, что они смогут защитить от воинственных соседей. Однако и этого не случилось. К началу XVIII века соседи теснили казахов-скотоводов со всех сторон — с востока джунгары, с севера башкиры и сибирские казаки, с юго-запада калмыки... В 1723 году, поминавшийся нами выше джунгарский владетель Галдан Церен овладел всем южным Казахстаном. «Актабангубрунда!» — Великое бедствие народов! — такое название получило это событие у казахов. Ханы Малой и Средней орды сказали, что надо искать помощи против джунгар у русских. В первой половине тридцатых годов XVIII века ханы Малой и Средней орд попросились в подданство России. Но от этого выиграли пока что только они, ханы, а не народ. Ханы, ища защиты себе, предавали интересы народа, торговали его судьбой. Вот почему в последней четверти XVIII века и разразилось в Малой орде на западе Казахстана громадное восстание. «Во времена Екатерины II была захвачена значительная часть прилегающей к России Малой орды. Ханы этой орды предавали свой народ и помогали царским правителям захватывать казахские земли. Против ханов предателей и подчинения казахского народа русскому царю не раз поднимались восстания. В 1783 году во главе восстания казахского народа стал храбрый Сарым Датов. 14 лет боролся с врагами казахский народ под руководством своего неустрашимого вождя Сарыма, ставшего народным героем»¹.

Казахский народ бедствовал, управляемый алчными ханами, готовыми ради своей выгоды сегодня предаться России, завтра Китаю, послезавтра среднеазиатским владетелям. Существовавшие в степи порядки, методы правления тех ханов, как и методы правления большинства русских администраторов, не сулили ничего доброго. Это достаточно ясно понял ревизор Сибири граф Сперанский. Он пробовал кое что сделать для упорядочения жизни степей. «Устав о сибирских киргизах», выработанный Сперанским, предусматривал уничтожение в Средней Орде (близкой к Омску) ханской власти. Было задумано много новшеств: «ханское звание уничтожить как несовместное и совершенно излишнее, признав ханов сибирских, на основании положительных актов подданными российскими», «водворять устройство и образование из волостей внешних округов, начало положить тем, что на из-

¹ Краткий курс истории СССР под редакцией профессора Шестакова.

вестном от линии расстоянии, например, на 100 верст, запретить всякое хищничество»; «в каждом вновь образованном округе определить по выбору самих волостей старшего султана, дав ему средства управлять округом с доверием и уважением»...

Таким образом, новая система, облегчая административное управление казахов русскими, оставляла казахов, по существу, под властью тех же самых аристократов, но рангом помельче, не ханов, а ханских родичей — султанов.

Устройство и управление Средней ордой было подчинено новому пограничному управлению в виде Омской отдельной области. (В предыдущей главе мы уже кратко упоминали об этом).

Ханов не стало. Но султаны тотчас же, перессорившись за власть, взбунтовались, втягивая в междуусобицы народ. И Россия и казахи не особенно много выигрывали от этой реформы. Постоянные волнения в степях и явственное обнищание народа — все это пугало. Даже заядлому аракеевцу Капцевичу было вдолблено в голову о необходимости принять меры к умиротворению разоренной степи. Капцевич, прибыв в Омск, произносил целые тирады о том, что «только при величайшей осторожности и, так сказать, тихими измеренными шагами достигнем мы полного владычества над азиатскими народами». Капцевич, действительно, проявлял прямо таки ангельское терпение, когда приходилось иметь дело со строптивыми степными султанами. Но, налаживая отношения с казахскими богачами, задаривая султанов и баев, Капцевич едва ли заботился всерьез о повышении благосостояния эксплуатируемой аристократии бедноты. «Пусть об этом позаботятся баи!». И социальный порядок в «умиротворенных» степях был таков, что в тридцатых — сороковых годах толпы нищих, голодных казахов, приходя к окраинам Омска, рылись на свалках или просили милостыни у прохожих.

Таких казахов видел путешественник офицер Иосиф Белов¹, побывавший в аулах возле Новой станицы, верстах в пятнадцати от города. Белов описывает чрезвычайную нечистоту и бедность юрт. Он сообщает, что казахи и казашки большей частью ходят круглый год в одной и той же грязной шубе, летом, впрочем, выворачивая ее мехом вверх. Очень лишь немногие зажиточные люди носят шелковые халаты, замечает Белов. Он установил, почему русские крестьяне звали казахов «чекалами». Чекал — шакал. «Шакалы» казахи потому, что стоит крестьянину зарыть павшую скотину, как голодные казахи вырывают ее и употребляют в пищу.

С такими казахами имел дело чиновник пограничного правления декабрист Басаргин. Он жалел их, но едва ли мог чем нибудь особенно помочь. Таких несчастных казахов видел Достоев-

¹ Автор интересной книги об Омске.

ский. Толча алебастр и нося кирпич для казарм, Достоевский думал о многом, а в том числе и о судьбах степного народа. Он, надо полагать, как и декабрист Басаргин, прекрасно видел к чему приводит хозяйничанье аракчеевцев-капцевичей и бездарных чинуш, вроде князя Горчакова. Достоевский весьма интересовался делами Азии. Он размышлял о бедности и о богатстве этих степей. Разбирая по колено в воде баржи, Достоевский размышлял о железных дорогах в Сибири... «Железные дороги в Азии... если только не пустим прежде нас по таким же дорогам немцев, англичан, американцев, чтоб они взяли все да еще с монополией, а нам не оставили ничего»...

В пятидесятых годах за устройство судеб сибирских народов взялся новый генерал-губернатор Гасфорд, Густав Христианович. На дальнем севере он решил «оградить родовые права северных инородцев по землевладению», для чего даже съездил в Обдорск. В результате лучшие земли достались...обдорскому купечеству. Что же касается казахов, то тут Гасфорд задумывал много. К тому времени уже была присоединена к России Большая орда. «Для сохранения порядка и удержания в повиновении новых подданных решено было поддерживать всемерно власть и влияние главнейших родоначальников султанов», пишет один из современников. Эти султаны не мало хитрили. Находясь в сношениях с кокандцами, они просили о присылке русских отрядов не столько для удаления кокандцев, облагавших казахов тяжелыми податями, и для прекращения внутренних раздоров, сколько для поддержания своего султанского престижа. Как бы то ни было, но и здесь простой народ находился между двух огней — были и тяжелые подати и внутренние раздоры... Гасфорд подготовлял военные экспедиции для овладения кокандскими укреплениями — Токмаком и Пишпекком. Эта мера признавалась необходимой для укрепления нашей власти над киргизами в заилийском крае. Но кроме военных мероприятий Гасфорд придумывал еще один план, долженствующий, по его мнению, сделать казахский народ совершенно счастливым. Он считал, что казахи вообще недостаточно религиозны, магометанскую религию исповедуют, можно сказать, случайно. И вот почтенный генерал решил создать здесь, в Омске, особую, удовлетворяющую внутренним потребностям казахского народа, религию. Это, по мнению Гасфорда, должно быть нечто среднее, переходное от магометанства к христианству. Гасфорд совершенно серьезно полагал, что с внедрением этой новой, лично им выдуманной, религии в степях сразу станет мир и покой и сразу подымется благосостояние казахского народа¹⁾. Но, в конце концов, мудрый Гасфорд остыл к этой своей затее, махнул рукой и предоставил баям и муллам управляться с казахским народом как они знают.

¹⁾ Об этом всем этом подробно рассказывается в интересной книге генерала Бобкова «Воспоминания о моей службе в Западной Сибири», СПб, 1912.

Вообще он, видимо, устал от всех этих сложных и путанных азиатских проблем и вспомнил о доброй старой Европе. И, надо полагать, именно в связи с этим у Гасфорда появилась новая забота — превратить город Омск в некую иностранную колонию. Гасфорд набрал себе целую свиту из «просвещенных европейцев», людей в большинстве случаев довольно бестолковых и наглых¹. А о степных азиатских делах Гасфорд забыл, казахи остались при прежней религии и в прежней бедности.

Конец пятидесятых и шестидесятые годы ознаменовались для Омска крупными событиями — в пятидесятых годах прошли по Иртышу, мимо Омска до Павлодара и выше, первые пароходы. При Гасфорде прибыло в Западную Сибирь около восьмидесяти тысяч «вольных переселенцев». Город Омск рос. Появилась кое какая промышленность — не крепостные «мануфактуры», а заводики, удовлетворяющие кое какие нужды растущего населения. Так, в 1861 году в Омске было уже шесть салотопенных, четыре кожевенных, четыре свечных, маслобойный, пивоваренный, табачный заводы. Стояло возле Омска в те годы уже до двадцати кирпичных заводов. Им работы хватало, ибо Гасфорд строил довольно много. Был построен, кроме всяческих казарм и канцелярий еще и целый ряд крупных зданий, в том числе дом благородного собрания² для развлечения чиновников гасфордовской свиты — всех этих Врангелей, Круликевичей, Амондтов и Гартлингов, новый громадный тюремный замок³, способный вместить всех правонарушителей края и, наконец, для себя лично и для своих преемников, Гасфорд возвел прекрасный генерал-губернаторский дом или, как его называли, Дворец⁴.

Город рос. Вот что рассказывает об Омске, может быть слегка идеализируя, И Завалишин, посетивший город в начале 60-х годов:

«Омск прекрасный город, — первый в Тобольской губернии по населению, постройке, местности, климату, порядку, благоустройству, образованности, удобствам жизни, лучший в целой Сибири во многих отношениях. Местность его ровная и сухая, вот уже громадная разница между ним и болотистым Тобольском, гористым Томском и засыпаемым песком Красноярском».

¹ Любопытный список омского начальства времен Гасфорда дает Бобков: «Корпусной командир генерал Гасфорд, военный губернатор области сибирских киргизов генерал Фюн-Фридерике — оба немцы-лютеране; комендант крепости Драве, генерал барон Сильвергейм — шведы-лютеране... Назначенный атаман сибирских казаков генерал Кринский — поляк, дежурный штаб-офицер корпусного штаба майор Круликевич — поляк, начальник артиллерии генерал Гинтовт — литвин. Впрочем, его вскоре сменил швед Кройнерус. Последний тотчас выписал «на хлебную должность» майора Амондта — на должность командира линейного батальона, несмотря на то, что этот швед никогда не служил в пехоте и не знал введенного незадолго до этого нового устава. Смотрителем омского госпиталя был назначен Гартлинг из Улеаборга.

²) ³) Оба эти здания сооружены в 1857 году. Благородное собрание — дом на углу ул. Республики и Чкалова, ныне Дом партийного просвещения.

⁴ Этот дворец, ныне областной музей, построен Гасфордом в 1859 г.

Омск, как пишет далее Завалишин — «построен по обе стороны реки Оми, на правом берегу Иртыша, при самом ее устьи. Местоположение его ровное и немного приподнятое над уровнем его рек, почва песчаная и сухая, вид очень эффектен среди этой громадной массы вод и далеко зеленеющей степи». Далее — о жителях Омска: «Население его почти все состоит из служащих, или имеющих прикосновение к служащим, — вот опять громадная разница между ним и всеми прочими губернскими городами сибирскими, страшно переполненными ссыльными. Климат его лучше, мягче, здоровее и ровнее прочих губернских городов. Местность и недавность позволяют устраивать его хорошо. Мясо, хлеб и рыба у него всегда под боком и всегда в изобилии, а в прочих городах Сибири, чем глубже в нее, тем ныне дороже. Наконец, он близко от России и есть центр главной администрации. И общество в нем, от непрерывного сообщения с столицами, просвещеннее и социальнее.

...Ныне в Омске уже 18,729 жителей, — сообщает Завалишин, — в том числе окладных мещан 1338 душ, ремесленников 554 душ, 6 церквей и 1 мечеть, домов 2073, заводов и фабрик 35, семь учебных заведений: сибирский кадетский корпус, духовное и гражданское уездные училища, приходское училище военного ведомства, детский приют и магометанская школа при мечети. Через Омск идет из Тюмени (через Ялуторовск, Ишим и Тюкалинск) главный сибирский почтовый тракт далее в Сибирь, до самого Николаевска у устья Амура на Восточном океане. От Петербурга, на громадном пространстве в 10 тысяч верст все уже ныне заселено, всюду русский язык, русский быт... русские города, русские села. Из этого видно, что Омск один из соединительных почтовых, административных и торговых звеньев этой главной артерии всего государства, на которой как бы пунктами роздыха служат ныне от Петербурга до Восточного океана: Москва, Нижний Новгород, Казань, Омск, Томск и Иркутск»¹.

Рост города там, за рекой, появление новых людей в этом городе, появление пароходов на Иртыше само собой не ускользали от внимания жителей степи. Но, надо сказать, что казакам немного радости принесла вторая половина девятнадцатого века. Поток переселенцев, начавшийся, как мы видим, еще в пятидесятых годах и в сотни раз усилившийся после отмены крепостного права, мало по малу заставлял казахов отступать вглубь степей. Новое «Положение об управлении Степным и Туркестанским краем» 1870 года не особенно облегчало судьбу казахского народа, ибо привилегии если и были даны, то баям. При дележе земли эта земля доставалась богачам...

Давно нарушился обычный цикл кочевья. Как правило, казахи уходили дальше от русских поселений. Но было и по иному.

¹ И. Завалишин. «Описание Западной Сибири». М. 1862.

Некоторые аулы, наоборот, навек остались на старинных местах летовок за Иртышем поблизости Омска.

Одним из таких аулов является аул Каржас напротив Омской крепости.

История этого аула глубоко интересна и поучительна.

Седые казахские деды из этого аула, передавая в свою очередь то, что они слышали от своих дедов, когда были еще детьми, рассказывают, что аул помнит те времена, когда за Иртышем стояли только тюрьма и крепость. Иртыш же был столь узок, что верблюд, стоя на левом берегу, перетягивал шею через реку щипать траву правого берега. Это — легенды. Их происхождение да расшифруют нам фольклористы! Во всяком случае, аул весьма стар. Возможно, что мимо этого аула провозили декабристов. И наверняка на этот аул смотрел с вала крепости Федор Достоевский. Мимо этого бедного аула проезжал в 1883 году ссыльный Чернышевский, когда его везли через Омск из восточной Сибири в Астрахань.

Люди из аула Каржас, с течением времени все менее и менее внимания уделяли основному занятию кочевников — скотоводству. Они участвовали, как возчики и чернорабочие, в постройке многих зданий крепости и города. Они рыли котлованы на постройке магазина Шаниной, они работали на кожевенных заводах за Иртышем, они грузили хлеб и соль на иртышских пристанях, они хлынули на земляные работы по постройке железной дороги. Город давал кое-какой заработок аульной бедноте, люди не хотели уходить из окрестностей города, предпочитая платить высокую аренду казачьему войску за право жить на земле, которую казачье начальство объявило своим владением. Каждый житель аула мечтал в конце концов заработать столько, чтоб хватило на безбедную жизнь. Но разбогатеть удалось очень немногим. Те, кто всякими правдами и неправдами все же разбогатели (а таких было двое-трое) стали жестоко эксплуатировать своих односельчан. Кулаки-баи, особенно нажившиеся на поставках военному ведомству во время мировой войны, — обзавелись европейской обстановкой, мебелью, кроватями, граммофонами и даже роялями. В 1916, году когда казахи, киргизы, туркмены, узбеки, таджики, угнетенные тяжелыми поборами, насилиями, мобилизацией на тыловые работы, поднялись на революционную борьбу с самодержавием, баи из аула Каржас, как и многие другие жирные баи, оставались в добром мире с царскими чиновниками. Баи выгодно спекулировали и на бедствиях народа. Каржасские баи путем взяток начальству, откупали каржасскую бедноту от «реквизиции» на тыловые работы и заставляли затем этих купленных бедняков работать на себя даром. В колчаковщину, когда алаш-ордынцы — буржуазные националисты, предатели своего народа, провозгласили Колчака и Дутова почетными казахскими ак-

сакалами¹, каржасские баи задумали грандиозную спекуляцию — запродажу населения аула в колчаковские отряды «Зеленого полумесяца». Это сорвалось, — честные казахи шли в партизаны, бить белобандитов.

Баям в конце концов не поздоровилось. Мы не будем рассказывать здесь о борьбе каржассцев с кулаками-баями, мы не будем рассказывать о том, как трудовое население аула боролось за новую жизнь. Скажем только, что бедным и разоренным встречал аул Каржас приход советской власти, а теперь колхоз имени Кирова, в ауле Каржас за Иртышем напротив пристаней госпароходства, — один из интереснейших и богатых колхозов нашей области. Эти казахи приняли в свой колхоз и немало русских, украинских, белорусских, немецких семей. Партия Ленина — Сталина помогла построить счастливую жизнь всем народам нашей великой страны.

Тут, кончая эту главу о наших степных соседях, уместно будет, пожалуй, вспомнить еще раз и о калмыках, тех калмыках, о которых с опаской говорили сибиряки, тех калмыках, защиты от которых когда то просили у сибирского пограничного начальства казахи.

Счастливы стали ныне казахи, счастливы стали и калмыки... В СССР нет национальной вражды. Давно забыты старые распри. Это были распри между знатью, но не между народами. Потомки тех калмыков, которые остались в России, которые не ушли тогда в 1771 году из России обратно в Синьзянь, так рассказывают устами своих певцов о дальнейшей судьбе народа:

В степи, где раньше возвышались один курганы, —
Надгробные памятники скифов и хозаров,
Теперь вздымаются заводские трубы,
Там теперь вырос город сталинских пятилеток
Столица советской Калмыкии — Элиста.
... В степи, на берегу седого Каспия,
Где раньше стояли жалкие рыбацкие лачуги,
Вырос Лагань —
Шумный город калмыцких рыбаков.
В железных банках развозят отсюда вкусную рыбу
По всей советской стране.
Наши перламутровые пуговицы и жемчужные бусы
Украшают красавиц всей советской страны.
... и здесь калмыкам пришлось отстаивать
Свою свободу и свою землю
И от нашествия иноземцев,
И от гнета царей-поработителей.
Но здесь луни были уж не одиноки.
Вечная дружба спаяла луней с орлами.
Народ никогда не шадит своих сил,
Когда поднимается борьба за свободу.
Калмыки сражались в полках Разина и Пугачева
За землю, за волю, за счастье.

¹ Аксакал — буквально: седобородый, т. е. почтенный старец.

Вместе с русскими дрались они против Карла с его войсками,
Что были многочисленнее муравьев и гуще песков,
Что были кровожаднее и хитрее ежей.

Вместе с русскими калмыки отстаивали свою землю
От алчного Наполеона,
Пытавшегося взнудать весь мир
Точно своего коня.

На протяжении трех веков

В бесчисленных битвах

Обильно орошалась наша земля

Кровью калмыков и русских.

Вобравшие в себя всю силу и мощь человечества,

Рабочие и крестьяне в семнадцатом году,

Подобно разъяренному льву,

Напали на своих поработителей.

И стерли их в пыль, как стирают зерна мельничные жернова...

...Счастливую жизнь в Калмыкии

Установила партия большевиков,

Установили Вы, наш великий ровесник,

Узаконила великая Сталинская Конституция, —

И Вам, нашему мудрому учителю,

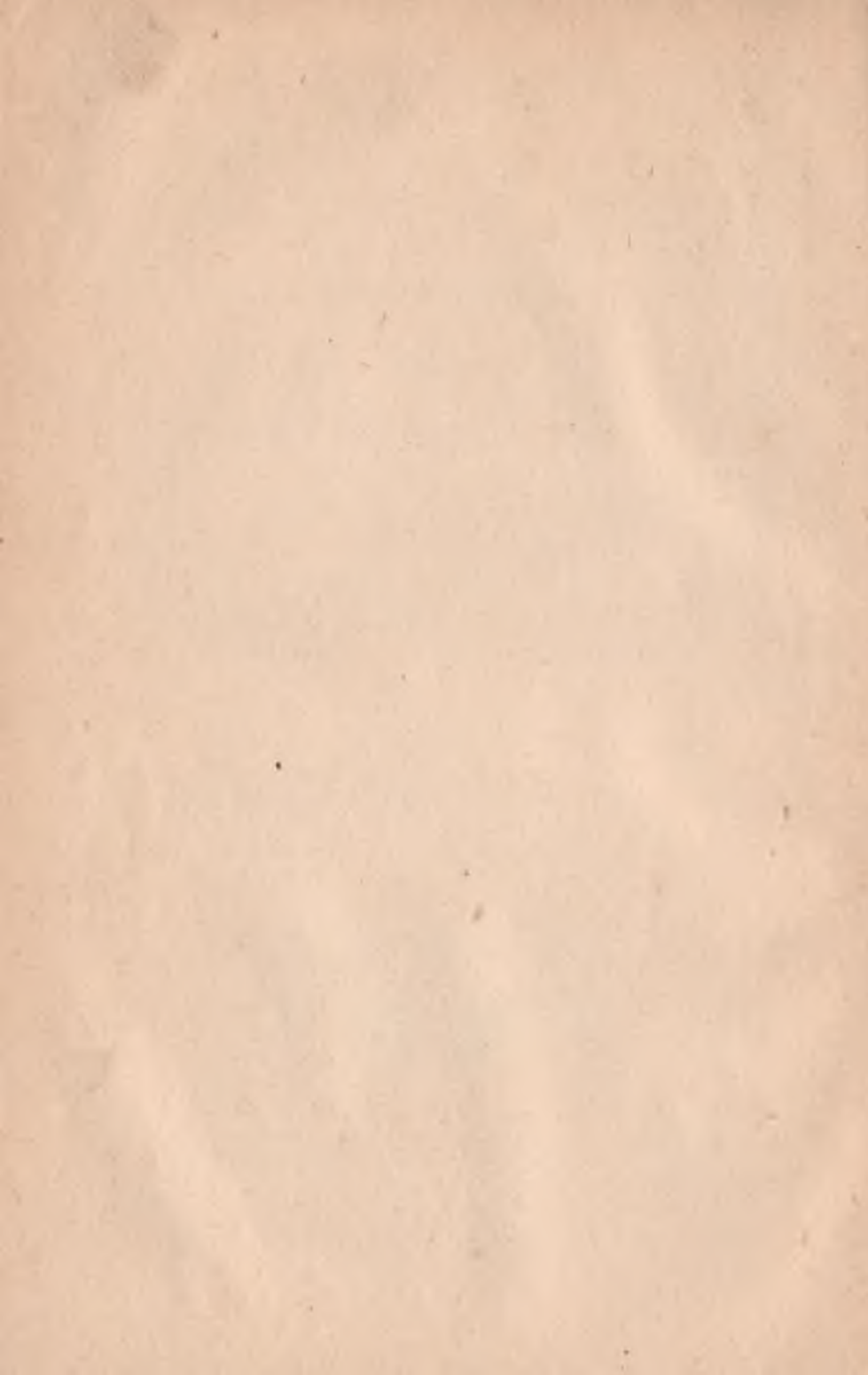
Распространившему долгожданное счастье

Подобно тому, как майское солнце распространяет свой
лучезарный свет,

Мы поем наш лучший, наш благостный йорел!

Так говорится в «Благопожелании калмыцкого народа Иосифу Виссарионовичу Сталину в день его шестидесятилетия». На этом мы и кончим рассказ о наших старинных степных соседях.

IX. МАЛЬЧИК С ГОЛУБЫХ ГОР

Ты помнишь дом на Скаковой?
Листовок, прокламаций ключья...;
Кого по пыльной мостовой
Вели жандармы поздно ночью?

Есть такая книга, напечатанная в Москве, в типографии т-ва И. Н. Кушнеров и К^о в 1915 году, по заказу из Омска. Эту книгу составляли некие омичи. Называется она «Краткий исторический очерк первого сибирского императора Александра первого кадетского корпуса».

Юбилейный сборник. Рассказывается там о прошлом, о возникновении войскового училища, позднее переименованного в кадетский корпус, где учились дети дворян и казачьих офицеров, рассказывается о торжественном праздновании столетия с года открытия этого учебного заведения (1813—1913 гг.).

Мы знаем это четырехэтажное здание, величественно возвышающееся уж добрых

сто лет над низменным, глинистым берегом Иртыша. Кадетский корпус — типичный образец архитектуры, так называемого русского ампира. Омский кадетский корпус выпустил около четырех тысяч офицеров, казачьих и армейских. Судьбы этих людей разнообразны. Очень многие из этих офицеров жили и умерли в безвестности провинциальных гарнизонов. Другие погибли на полях сражений во время Крымской кампании, войны с турками, войн в Туркестане, японской войны, войны мировой. Иные сражались с родным народом, на фабричных дворах, в переулках рабочих окраин... Каратели, палачи рабочих и крестьян, позднее белобандиты, они если не получили сурового возмездия от своего народа, так доживают свой жалкий век где-нибудь за границей, став вышибалами харбинских борделей, официантами парижских или римских кабаков.

Но не все воспитанники корпуса служили лишь Марсу — полуголому богу войны. Уже и тогда, в 1915 году, корпусное начальство, подводя кое-какие итоги, с гордостью поместило в список выдающихся питомцев корпуса ряд имен людей, получивших известность не только как офицеры, или даже вовсе не как таковые. В этой книге, вместе с именем Ивана Карабышева (выпуск 1817 г.) предупредившего замыслы мятежного хана Габайдуллы Валиханова предаться под власть Китая, мы видим имя и другого Валиханова — Чопана — молодого казаха ученого. Выпуск 1822 года дал четырех географов практиков: Михаила Петрова, Павла Герасимова, Ивана Шубина и Николая Потанина — исследователей казахских степей и Семиречья в научном отношении. Хорунжий Николай Потанин дошел в 1829 году с небольшим конвоем до Ташкента и Коканда и составил интереснейший дневник путешествия по диким пустынным степям и среднеазиатским ханствам. Кадет Нестеров, окончив корпус в 1849 году, стал впоследствии известен как исследователь Западной Сибири и издатель газеты в Иркутске. А в 1852 году окончил корпус сын упомянутого выше храброго хорунжего Николая Потанина, Григорий Николаевич, ставший знаменитым русским путешественником, исследователем Сибири и Монголии. В 1855 году окончил корпус Николай Ядринцев, впоследствии получивший широкую известность как публицист, общественный деятель, путешественник, археолог. В 1859 году окончил корпус, чтоб затем перейти в Киевский университет, Николай Анненский, сделавшийся одним из наиболее выдающихся представителей русского либерализма 60-х годов, известным публицистом, редактором журнала «Русское богатство».

И еще много заметных имен перечислило корпусное начальство в похвальном списке. Но об одном необыкновенном воспитаннике, имя которого и тогда было небезызвестно многим русским людям, а позднее стало известно и всему миру, об этом бывшем омском кадете составители юбилейного сборника не упомянули.

Они знали, что этот человек жив и здоров и находится не так уже далеко от Омска. Они помнили хорошо об этом бывшем воспитаннике. Но они его боялись и не нравились.

* * *

...Этот мальчик родился здесь, в Омске, 25 мая 1888 года. Отец его был офицер, мать—народная учительница. Мальчика звали Валерианом. Еще восьмимесячного, его увезли в Кокчетав, уездный городок, получивший свое название от Голубых гор (Кокче-тау), возвышающихся на юге этого уезда. Отец Валериана был назначен туда, в Кокчетав, начальником воинской команды.

В 1898 году десятилетний Валериан снова вернулся в Омск, где был определен в кадетский корпус на казенный счет, как сын офицера.

Мы не излагаем здесь подробной биографии Валериана Владимировича Куйбышева. Жизнь этого замечательного государственного деятеля нашей страны, верного соратника и помощника товарища Сталина, достаточно хорошо известна трудящимся. Здесь мы постараемся лишь дать некоторое представление о тех годах, которые Куйбышев провел в Омске.

Омск, по сравнению с Кокчетавом, был и тогда уже городом довольно большим и шумным. Несколько ранее в 1894 году, до Омска дошла железная дорога из-за Урала. Грохот чугунных колес разбудил многие скрытые силы. На казачьей земле, граничащей с новой станцией, появился не только железнодорожный поселок, но еще и лако-красочная фабрика «Довборы», паровая мельница «Сантэ», превращающая в муку миллион пудов зерна в год, новая бойня, завод мясных консервов, кирпичные заводы. Усилилось строительство и в самом Омске. То там, то тут возникали новые здания, кое-какие заводы, магазины, склады торговых фирм русских и иностранных, новые гостиницы, рестораны. Число рабочего люда заметно увеличилось. Как раз в год прибытия в Омск десятилетнего Валериана в 1898 году разразилась в железнодорожных мастерских станции Омск первая забастовка — экономическая забастовка рабочих, которой руководил кузнец по фамилии Грозный. В этом году возникли первые рабочие кружки Омска. Словом, Омск перестал быть городом замкнутым, военно-чиновничьим, крепостным, захолустным. На станцию, что ни день, прибывали переселенческие поезда. По дорогам в глубину степи разбредались невеселые переселенцы. Малоземелье, нежелание оставаться в кабале у помещиков и кулачья, вот что гнало крестьян из родных мест в сибирские леса и степи. Переселенцев можно было видеть и в городе: на базарах, на пристани, в ночлежках, в обжорном ряду за городским театром. Многие крестьяне оставались в городе, поступая работать на постройки, так же поступали туда работать и

разоренные казахи из заречных аулов и обедневшие казаки из прииртышских станиц.

Таким увидел Омск Валериан Куйбышев.

Мальчик с необычным для других кадетов интересом присматривался к этой жизни, жизни растущего города. Со странной для кадета симпатией смотрел он на нищих оборванных простолюдинов, проходящих по улице мимо учебного заведения. С таким же повышенным вниманием относился кадет Куйбышев к нижним чинам, к солдатам, к служителям корпуса. Не слишком ли мягок и приветлив он был с ними? Странное поведение Валериана Куйбышева начало смущать корпусное начальство уже в 1902—1903 году.

Начальство не догадывалось, чем занимается этот мальчик дома, на каникулах летом. Едва ли знал начальник корпуса о том, что Валериан Куйбышев разбросал революционные прокламации в Кокчетаве в воинской команде своего отца. Начальство не догадывалось, как именно проводит время кадет Куйбышев, отправляясь по субботам в отпуск, якобы к бабушке. Но начальство ясно видело, в каком настроении возвращается Куйбышев из отпуска в корпус. Это настроение весьма начальству не нравилось. Недаром при переходе Куйбышева из пятого в шестой класс педагогический совет постановил: «Куйбышеву В., хотя и выполнившему условия по получению похвального листа, такового не выдавать за неполное одобрительное поведение его».

О последующих событиях сестра Валериана Владимировича рассказывает так:

«В кадетском корпусе воспитывались почти исключительно дети военных. Мальчики из нашей семьи все учились там же.

Кадеты в большинстве своем, как и их отцы, были за царя. Готовились служить ему и поэтому называли себя монархистами.

Воля среди кадетов не мог найти себе товарищей и был одинок. Уже в старших классах он был связан с революционными организациями.

Старшая сестра Надежда, окончив гимназию, осталась жить в Омске,— она готовилась в университет. Живя уроками, она со своей подругой снимала маленькую квартиру на тихой безлюдной улице. Я помню, что их домик выходил окнами во двор, а на улицу выходила стена дома с маленьким слуховым окошечком, как у сарая.

В этой квартирке часто собиралась революционная молодежь. Читали рефераты, запрещенную литературу, спорили. Здесь одно время была нелегальная подпольная типография, в которой работала Надежда и ее подруга. Много прокламаций и листовок выпускалось этой типографией, которые распространялись по всем предприятиям Омска, а также и по воинским казармам.

В эту квартиру к сестре приходил и Валериан, когда он из корпуса получал отпуск к бабушке. Он приходил в своем воен-

ном мундирчике и, не переодеваясь, шел на рабочие собрания или в казармы, беседовать с солдатами.

Недоверчиво сначала встретила рабочая аудитория юного агитатора-пропагандиста, одетого в мундир кадетского корпуса. Но Валериан быстро заслужил доверие и любовь своих слушателей. Его полюбила рабочая молодежь, его с нетерпением ждали в своих скучных серых казармах солдаты.

— Я тоже с нетерпением ждал отпуска, чтоб пойти на рабочие собрания или в казармы,— рассказывал Валериан. Меня так тянуло к ним, что я не представлял себе большего удовольствия, как беседовать с ними. Я так сжился с этой аудиторией, что просто не мыслил себе иначе проводить время... А то, что там меня ласково и приветливо встречали, это наполняло меня еще большей радостью, и я шел туда, как на большой праздник.

Шестнадцати лет (в 1904 году) Валериан вступил в Омскую организацию РСДРП и с первых же дней своей работы в партии примкнул к фракции большевиков.

В 1905 году Валериан написал протест против январских расстрелов и хотел послать его в Питер, чтоб присоединить свой голос к протесту возмущенных рабочих.

Услышав, что два кадета высказывались вслух против расстрелов, он предложил им подписаться под протестом. Те подписали. Листок с протестом пошел по рукам всех кадетов.

Один кадет, махровый монархист, подошел к Валериану и потребовал, чтобы он не «позорил» корпуса, а разорвал протест и отказался от него. Валериан действовал открыто и твердо. Он заявил, что протеста не порвет и отказываться от своих слов не будет.

— Тогда мы будем говорить с тобой иначе,— пригрозил ему кадет.

В спальне быстро организовалось совещание, куда не пустили Валериана. Он сидел одиноко в классе. Много за это время передумал, переволновался, но твердо решил не уступать монархистам.

Шумная толпа закончивших совещаться кадетов окружила Валериана и потребовала от него отказаться от протеста и разорвать его.

Валериан стоял на своем.

— Я и не подумаю рвать и отказываться.

— Бойкот, бойкот! Мы объявляем тебе бойкот, — кричали кадеты.

Валериан не сдался. Протест его с единственной подписью был послан в Питер. Корпусное начальство узнав об этом всполошилось. Был произведен обыск среди книг Валериана. Нашли сочинения Энгельса и «Письма» Лаврова. Начались объяснения, разговоры и только вмешательство отца спасло Валериана от исключения из корпуса.

В 1905 году Валериан с трудом окончил кадетский корпус. Ему, уже связанному с партией, трудно было подчиняться корпусным правилам и дисциплине. Учился он отлично, но по закону божьему отказывался отвечать, или вел споры со священником, за что его хотели выпустить из корпуса без отметки по закону божьему. А без такой отметки ему нельзя было бы продолжать учиться. И только потому, что у него по всем предметам были отличные отметки, ему натянули переводный балл и по закону божьему».

В горячем и тревожном 1905 году простился Валериан с корпусом. Куйбышев, как известно, не пошел в военное училище. Разумеется он не захотел быть царским офицером.

В 1905 году казачья сотня в Омске отказалась принять участие в разгоне революционной массовки. Молодой кадет Куйбышев отказался стать офицером! Небывалые дела творились в старом добром городе Омске!

* * *

Куйбышев поехал учиться в военно-медицинскую академию в Петербург. Но в следующем году снова оказался в Омске. Валериана Куйбышева исключили из академии «за беспорядки».

«В 1906 году я приехал из Петербурга в Омск — город, в котором я родился. Сейчас же связался с партийной организацией. ...Вскоре, по приезде, я был избран в состав омского комитета. На меня было возложено руководство пропагандистской работой. Кроме того, я сам вел несколько рабочих кружков»... Так описывает возвращение в Омск В. В. Куйбышев. Тут уместно будет дать следующую выдержку из недавно вышедшей книги М. Ветошкина «Сибирские большевики в период первой русской революции».

* * *

«С отъездом осенью 1905 года Куйбышева в Петербург омские большевики потеряли своего лучшего пропагандиста в городском районе. Меньшевики воспользовались ослаблением пропагандистских кадров большевиков и захватили всю пропагандистскую работу в городском районе, а вслед за тем в конце 1905 года в их руки перешло и руководство комитетом.

В ноябре 1905 года на помощь омским большевикам был командирован руководитель иркутских боевых дружин А. А. Ширямов, который застал большевистскую партийную работу в Омске на большом ущербе. Большевикам удалось, однако, сохранить влияние среди железнодорожных рабочих, в то время как городская партийная организация Омска находилась в руках меньшевиков.

У большевиков среди железнодорожных рабочих функционировало несколько кружков, велась работа по подготовке вооруженного восстания, была организована боевая рабочая дружина.

На работе Омского комитета в бурные дни революции 1905 года роковым образом сказалось то обстоятельство, что его возглавляли меньшевики, которые после отъезда Валериана Куйбышева захватили в свои руки городской район организации, расхолаживали рабочих своей агитацией, ослабляли веру в успех восстания и всячески подрывали силы большевиков железнодорожного района.

Положение резко изменилось в омской организации в пользу большевиков только в 1906 году, когда в Омск приехало несколько видных большевистских работников...

Куйбышев вернулся в Омск из Петербурга уже получившим хорошую закалку большевиком. Со всей большевистской непримиримостью и энергией он начал здесь борьбу с меньшевиками. Перейдя на нелегальное положение и став партийным профессионалом, молодой Куйбышев с головой окунулся в партийную работу. Его первым делом было ликвидировать влияние меньшевиков в омской организации, где он в 1903—1904 гг. получил первоначальное партийное воспитание.

С приездом Куйбышева омские рабочие получили недостававшего им большевистского вожака. Под давлением партийных низов Куйбышев скоро был введен в состав Омского комитета и здесь взял в свои руки руководство всем делом пропаганды. С этого времени влияние меньшевиков резко пошло на убыль».

«Большевики, в том числе т. Валериан,—вспоминает современник, — провели настолько основательную работу в этой организации, что почти целиком очистили омскую организацию от меньшевиков».

Летом и осенью этого 1906 года произошло немало событий, весьма неприятных для местной буржуазии и полицейского управления. Купцы, фабриканты и жандармы полагали, что народ запуган наступившей реакцией, что никто не посмеет теперь поднять голоса, выступить против хозяев. Но эта надежда не оправдалась. Недаром именно в этом году было введено в Омске военное положение.

Было беспокойно. Разразился целый ряд забастовок железнодорожных рабочих и торгово-промышленных служащих. В июне забастовали столяры, требуя сокращения рабочего дня и увеличения поденной платы. Они храбро и упорно защищали свои интересы — они обусловили в своем ультиматуме хозяину также и выплату зарплаты за время забастовки. Требования столяров были удовлетворены.

Вслед за забастовкой столяров, в июле, буржуазный Омск был еще более взволнован рядом других забастовок.

Стачечным движением 1906 года в Омске руководила большевистская группа местного комитета РСДРП, во главе которой стоял не кто иной, как бывший воспитанник омского кадетского

корпуса, восемнадцатилетний Валериан Куйбышев, сын офицера, не захотевший стать офицером.

Он появлялся на станции Омск, чтоб помочь железнодорожникам в их борьбе. И эта борьба в годы карательных экспедиций Меллер-Закомельского и Ренненкампа была серьезной борьбой. Вот что рассказывает старая омская газета «Степной край» о настроении железнодорожных рабочих:

«В воскресенье, 9 июля, в роще железнодорожного поселка состоялся рабочий митинг,— присутствовало 300 человек. После нескольких речей о 9 января, о деятельности Государственной думы, о роли пролетариата в русской революции и о крестьянском и солдатском движении, собранию была предложена резолюция, где было дано обещание поддержать фракцию (социал-демократов) в ее борьбе за учредительное собрание, за землю, за 8-ми часовый рабочий день. Собрание единогласно ее приняло. Затем с пением революционных песен собрание разошлось».

А через полтора месяца «Степной край» сообщил о том, что общее собрание железнодорожных рабочих депо станции Омск, собрание, на котором присутствовало полторы тысячи рабочих, обсуждало вопросы о прибавке зарплаты чернорабочим, о принятии назад на производство рабочих, уволенных за политические выступления, о мерах борьбы с черносотенцами...

Валериан Куйбышев был близок этим омским железнодорожникам. Валериан Куйбышев был лучшим товарищем для всех революционных рабочих города. Этот восемнадцатилетний большевик помог омским пролетариям организовать первые в городе профессиональные союзы — союзы железнодорожников, водников, столяров, портных, торгово-промышленных служащих, булочников, кондитеров, колбасников...

Валериан Владимирович Куйбышев много сделал для рабочих Омска. Но Валериан Владимирович не ограничивался работой в городе. Он нередко выезжал на линию железной дороги — в Петропавловск, Каинск, Барабинск, Курган. Существуют указания, что Куйбышев во время своих агитационных разъездов по области делал попытки установить связи с калмыками и казахами.

Преданный делу пролетариата, Куйбышев разоблачал его врагов. Именно Куйбышев разоблачил бывшего секретаря провокатора Гапона, некоего Матушевского, который под именем Бурдина очутился во главе меньшевистской газеты.

«20 ноября 1906 года начальник омского жандармского управления сообщил приставу Галибину, что по агентурным сведениям вечером означенного числа в одном из домов первой или второй части города должна была состояться сходка и предложил ему пойти с одним из агентов, который укажет этот дом.

Неизвестный Галибину агент повел его на Скаковую улицу, где и указал на один из домов»...

Эти строки — из заключения военно-прокурорского надзора омского военно-окружного суда по делу В. Куйбышева и др.

В доме № 67 по Скаковой улице, на краю казачьего форштадта неподалеку от казачьего кладбища, открылась в тот вечер омская конференция РСДРП. Полиция ворвалась в этот дом, принадлежавший фельдшеру Федотову. В этом доме, в квартире крестьянки Петровой было арестовано 38 человек, а среди них и Валериан Куйбышев.

Эту конференцию, которая была по своему составу большевистской (исключение составляли 4 меньшевика), предал провокатор, некто Мельников.

Куйбышев и другие участники конференции были заключены в тюремный замок. Арестованные избрали Куйбышева своим политическим старостой. Партийной работы Валериан Владимирович не прекращал и в тюрьме, он умел наладить связь с теми, кто остался на воле и отсюда, из омской тюрьмы, принимал участие в важном деле — выбора делегатов от омской организации на V Лондонский съезд РСДРП.

В марте 1907 года состоялся суд. Подробности этого суда достаточно широко известны.

Месяц тюремного заключения — таков был приговор суда. Но затем всех участников процесса выслали из Омска в административном порядке. Куйбышев попал под надзор полиции в город Каинск...

* * *

Мы не будем излагать здесь дальнейшей биографии В. В. Куйбышева. Повторяем, что жизнь этого пламенного революционера, злодейски умерщвленного врагами народа, достаточно хорошо известна. Мы только напомним о том, что в 1912 году, когда омский кадетский корпус готовился пышно отпраздновать столетие своего существования, бывший воспитанник этого корпуса Валериан Куйбышев прибыл в Омск.

Куйбышев явился сюда, окончив срок нарымской ссылки. За шесть лет много перемен произошло в родном городе Валериана Владимировича. Появилось много новых магазинов, кабаков, заводов и гостиниц. Но что особенно бросалось в глаза каждому свежему наблюдателю — это обилие иностранных фамилий на вывесках фирм и предприятий. Лучшие новые дома Омска были возведены иностранцами. Самым большим заводом в Омске стал завод плугов датчанина Рандрупа. Этот Рандруп жестоко эксплуатировал рабочих, не раз возникали на заводе забастовки. Громадное здание высотой почти с кафедральный собор возвел в Омске акционерное общество Р. и Г. Эльворти. Акционерное общество Гергард и Гей, филиал гамбург-

ской фирмы того же наименования имело здесь крупное отделение. Швейцарские братья Ревильон скупали сибирские меха. «Дьябло-и-Пумп сепараторы» предлагали сибирскому крестьянину какие то шведы. Международная кампания жатвенных машин, объединившая американские заводы Диринга, Мак-Кормика, Осборн, «Мильвоки», «Чемпион» и «Плано»... Альфа Нобель... Гельферихс-Саде... Феттер и Гинкель... Кого только не было здесь. Иностранцы захватили в свои руки основные отрасли промышленности и торговли. Недаром в пыльном степном Омске появились консулы целого ряда держав. Эти консулы имели задание защищать интересы промышленников и торговцев, продававших здесь весьма выгодно всевозможные машины и орудия, покупавших здесь задешево сельскохозяйственное сырье для выгодной перепродажи за границу.

Отечественные дельцы пасовали перед иноземцами. «Хотя Россия в это время сделала некоторый шаг вперед в своей промышленности, она продолжала оставаться отсталой страной по сравнению с западной Европой и зависимой от иностранных капиталистов...

Это выражалось в том, что такие важнейшие отрасли народного хозяйства, как уголь, нефть, электропромышленность, металлургия, находились в руках заграничного капитала, и почти все машины, все оборудование царская Россия вынуждена была ввозить из-за границы»¹. Эти обстоятельства были чрезвычайно ощутимы и здесь в Омске. Иностранцы хозяйничали здесь, как, впрочем, и во всей Сибири. На верховьях Иртыша извлекал из алтайских шахт серебро и свинец господин Уркварт. Медные руды казахских степей и карагандинский уголь переходили из рук в руки, от иностранца к иностранцу. Англичане, задешево купив Спасский завод у незадачливых русских хозяев, перепродали его в конце XIX века сыну бывшего президента Французской республики Сади-Карно, а тот, в начале XX века, снова перепродал англичанам эту медь, открытую когда то казачьими офицерами, воспитанниками омского кадетского корпуса. Да и большинство рудных месторождений, разведанных здесь в степях и горах русскими казаками и военными топографами, доставалось теперь во владение иноземных капиталистов. И это было в порядке вещей, ибо «Прямым последствием хозяйственной и политической отсталости России являлась зависимость как русского капитализма, так и самого царизма от западно-европейского капитализма»²).

Гнездо царских слуг, кадетский корпус, затерявшийся среди нарядных новых зданий иностранных фирм, готовился торжественно справить столетие своего существования. Бывший воспитанник этого корпуса Валериан Куйбышев, вернувшись из

¹), ²) Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 95, 96.

ссылки пробирался по улицам Омска от старой своей бабушки к одному молодому знакомому. Полицейские шпики прокрадывались по следам Валериана Куйбышева, ибо Куйбышев был в глазах полицейского начальства опаснейшим «политическим преступником», злейшим врагом того порядка, при котором так хорошо жилось капиталистам русским и иностранным, всем этим хозяевам города, степей, гор.

Валериан Куйбышев оказался в Омске в весьма тревожное для жандармов время, вскоре после ленских событий, в год расстрела безоружных ленских шахтеров, этого нового кровавого злодеяния царского самодержавия, совершенного «...в угоду хозяевам Ленских золотых приисков — английским капиталистам, чтобы сломить экономическую забастовку шахтеров»¹. Большевику Куйбышеву не дали спокойно побыть в родном городе, где как дома чувствовали себя нынче иноземные капиталисты. Придумав ничтожный повод для преследования², омские жандармы арестовали Валериана Владимировича, на другой день жестоко избили его в тюрьме и отправили в Томск³.

Вот как хозяева города встретили В. Куйбышева в 1912 году. А через год, в те дни, когда омский кадетский корпус пышно отпраздновал столетие своего существования, бывший воспитанник этого корпуса Валериан Куйбышев объявился на воле далеко, далеко от Омска. В яркокрасной кумачевой рубаше, в студенческой фуражке, которая была ему мала и еле прикрывала длинные, вьющиеся почти до плеч волосы, явился Куйбышев в село Лысые горы Тамбовской губернии, где учительствовала в то время его сестра.

Вынесший и тюрьму и ссылку, Валериан Владимирович был весел, здоров и жизнерадостен, ибо он боролся за правое дело, боролся за счастье всего человечества. Таким же энергичным и неунывающим остался он и в 1915 году, когда проезжал мимо Омска в арестантском вагоне, в новую ссылку в село Тутуры, Иркутской губернии. Из решетчатого окна вагона, когда поезд проходил через железнодорожный мост, Куйбышев видел Омск и белую громаду кадетского корпуса. Со многими бывшими воспитанниками кадетского корпуса он через несколько лет встретился. Он столкнулся с ними в 1918 году на фронте в Поволжье и на подступах к Туркестану. Большинство однокашников оказались в стане врагов. Эти офицеры использовали теперь полученные ими в корпусе военные знания против народа. А Куйбышеву знания пригодились для иной цели, — чтоб выбрасывать с родины продажную белогвардейскую сволочь и интервентов!

¹ Краткий курс Истории ВКП(б), стр. 140.

² Участие в маевке еще в Нарыме.

³ Этот эпизод подробно описан В. В. Куйбышевым в его книге «Эпизоды моей жизни».

В 1916 году, когда Куйбышев, бежав из иркутской ссылки, был снова взят в Самаре, произошел такой инцидент: начальник тюрьмы узнав, что Куйбышев дворянин и учился в кадетском корпусе, сказал: «Жаль, жаль, был бы теперь офицером!» Но кто то из заключенных ответил: «А у нас он будет генералом!»

Он стал больше, чем обыкновенный генерал. Побывав после этого в далекой и жестокой туруханской ссылке, он через два года снова оказался в Самаре и организовал оборону этого города от чехов. Куйбышев отгонял Дутова от Поволжья. Именно Куйбышев поднимал красноармейцев на освобождение Симбирска, родины Ильича. Валериан Владимирович руководил созданием 1-ой регулярной армии. С апреля 1919 года он стал политкомиссаром и членом реввоенсовета 4 армии. 6 марта 1919 года, когда Колчак прорвал восточный фронт и повел наступление на Самару, Куйбышев вместе с тов. Фрунзе организовал исторический контр-удар по флангу и тылу отборной колчаковской армии по направлению Бузулук-Бугульма. Этот удар решил участь Колчака.

Бывший воспитанник омского кадетского корпуса бил Колчака и гнал из Сибири грабителей иноземцев-интервентов. И надо сказать, что талантливейший стратег Валериан Владимирович Куйбышев руководил не только из штаба. Бойцы чапаевской дивизии удостоверяют, что постоянно видели Куйбышева вместе с Фрунзе в самых опасных местах на передовых позициях, на передовых линиях огня!

Х. ПАДЕНИЕ ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

Вы слышите ружейную стрельбу?
Богат лишь восемнадцатью годами, но
молод, силен, звал он на борьбу
Живущую в хибарках голытьбу, чтоб
завладеть большими городами.

Длилась империалистическая война.

«Война уносила миллионы человеческих жизней, убитых, раненых, умерших в результате эпидемий, порожденных войной. Буржуазия и помещики наживались на войне. Но рабочие и крестьяне переносили все больше нужды и лишений. Война разрушала народное хозяйство России... Война пожирала все ресурсы страны.

Царская армия терпела поражение за поражением... Уже во время войны раскрылась измена царского военного министра Сухомлинова, оказавшегося связанным с немецкими шпионами... Некоторые царские министры и генералы сами втихомолку со-

действовали успехам немецкой армии: вместе с царицей, связанной с немцами, они выдавали немцам военные тайны... К 1916 году немцы успели уже захватить Польшу и часть Прибалтики.

Все это вызывало ненависть и озлобление к царскому правительству среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции, усиливало и обостряло революционное движение народных масс против войны, против царизма как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах»¹.

Осенью 1916 года, в ноябре, когда северный ветер гнал крупную снежную крупу по сухой шершавой поверхности немощеных улиц, в город Омск явился плохо одетый юноша. Это был Залман Лобков, из Тобольска.

Может быть он приехал сюда с последним пароходом, плывя по Иртышу, тем древним путем, по которому плыли когда то тобольские аргонавты за золотым руном дальней Эркети. В таком случае, приближаясь к Омску, он должен был прежде всего увидеть старый полуразрушенный крепостной вал и две поседелых от времени арки — западные и южные ворота омской крепости.

Возможно, что Залман Лобков приехал в Омск и через Тюмень, по железной дороге. Тогда он прежде всего увидел Атаманский хутор, станцию, забитую больными паровозами и полную больными людьми — ранеными воинами, эвакуированными с фронтов сюда, в глубокий тыл страны.

Как бы то ни было, Залман Лобков прибыл в Омск и шел по улицам, полным разношерстной, многоязычной возбужденной толпой. В этой толпе были и старые, отсиживающиеся в тылу генералы, и безусые прапора — недоучившиеся гимназисты, тут были и казаки и казахи, тут были и раненые исхудалые солдаты и жирные, раздобревшие на военных поставках спекулянты, тут были и сибиряки, и беженцы из далекой Прибалтики, и военнопленные австрийцы и немцы, использованные для разных хозяйственных надобностей здесь, в глубоком тылу. Не только русский или татарский, но и немецкий, и польский и латышский говор можно было услышать на площадях и базарах старого степного Омска. Такой город увидел Залман Лобков, юноша приехавший из Тобольска.

Зачем приехал Лобков? Может быть учиться? Ведь, несмотря на войну и разруху, в городе все же функционировало весьма немало учебных заведений. Кроме кадетского корпуса, куда, конечно, не приняли бы сына еврея, кроме семинарии, кроме двух казенных гимназий были еще и две гимназии частных, реальное, землемерное, сельскохозяйственное, техническое, коммерческое училища, медицинская, ветеринарная и торговая школы. Но Залман Лобков не собирался подавать заявления ни в одно из этих учебных заведений. На учение, как будто, пока прихо-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 166—167.

дилось поставить крест. Этот юноша, Залман Лобков, сын тобольского коммерсанта и так уже доставил в смысле учения немало хлопот своему отцу. Еще в 1910 году отец определил Залмана в тюменское коммерческое училище, надеясь, что из мальчика получится просвещенный коммерсант, который поддержит честь фирмы. Но Залмана из училища исключили. И за что? За отказ препарировать лягушку! На уроке природоведения мальчик объявил, что он не будет резать лягушку, так как является убежденным вегетарианцем, толстовцем. Так объяснили отцу причину исключения Залмана из коммерческого училища. И действительно, мальчик, вернувшись в Тобольск, под родительский кров, перестал есть мясо, носить кожаную обувь, даже ездить на лошадях, так как это, мол, причиняет мучения беззащитным животным. «Вот чему научили мальчика проклятые толстовцы!» — жаловался отец.

А вскоре мальчик попал в тюрьму. Это случилось в год начала войны с Германией. Залман с товарищами, такими же горячими головами, обнародовал воззвание против войны, написанное в том же самом толстовском духе, с призывом к братской любви и так далее и так далее. Ухитрились разослать эти прокламации по Сибири и Уралу. Одно даже попало в Тульскую губернию! Расклеили прокламации по Тобольску.

Мальчику грозили серьезные неприятности. Дело пошло в суд. Отец всячески старался, чтоб судьи вынесли оправдательный приговор. «Ребенка подбили на все это толстовцы!» Мальчик вышел на свободу, но, к несчастью, власти города Тулы, куда попала одна из прокламаций, не взглянули на дело так снисходительно, дело с прокламациями было передано в Московский окружной суд. Залмана выпустили из Тобольской тюрьмы только на поруки отца, до суда в Москве.

Тюрьма, суд, встречи с новыми людьми, все это оказало большое действие на подростка. Залмана убеждали, что надо изменить свои взгляды. И он изменил их, но не в ту сторону, в какую советовали судьи. Залман действительно перестал быть толстовцем. От толстовства он отошел вовсе, но сделался еще более непримиримым противником империалистической войны. Не путь «непротивления злу», а иные пути, пути борьбы со злом, пути революционной борьбы за светлое будущее человечества нащупывал этот подросток. Отвергнув толстовство, он пришел к марксизму.

В начале 1915 года ему удалось вырваться из Тобольска, он поссорился с отцом, уехал в Москву, где завязал кое какие революционные связи. Именно в Москве он встретился и с некоторыми омскими рабочими. Он услышал от них много интересного и важного об Омске, о жизни пролетариев этого, самого большого тогда в Сибири города, города, насчитывавшего уже сто сорок тысяч населения. Рабочие звали в Омск.

Но до этого Залман еще вернулся в Тобольск. Здесь он снова повел работу с молодежью... Теперь работа была весьма серьезна. Хотел организовать подпольную типографию, чтоб в глухом уголке страны печатать революционную литературу для всей России! Но слишком тяжело да и опасно было оставаться здесь в Тобольске. Здесь зорко следил за сыном испуганный отец. Еще зорче следили шпики. Осенью 1916 года Залман покинул Тобольск. Он следовал зову большого города, зову пролетариев Омска.

Здесь, в Омске, юноша поступил на службу. На фронте большого каменного дома в Гасфортовском переулке сверкало золотое изображение не горящей в огне саламандры. Это была эмблема страхового общества, того общества, куда на скромную должность конторщика и поступил Залман Лобков.

Однако, он не только обслуживал домовладельцев, страховавших свои владения от огня. Он пошел в хибары, бедные хозяйства которых и не думали о страховании своих жилищ. Не среди богатых домовладельцев, но среди рабочих стал своим человеком Залман Лобков. Он нашел связь с местной подпольной партийной организацией. Это была социал-демократическая организация. Разгромленная жандармами в 1908 году, она теперь возродилась снова.

Февральская революция не особенно грозно постучалась в ворота старой омской крепости: дело обошлось без стрельбы. Но, тем не менее, рабочие и солдаты арестовали высших царских чиновников. Генерал-губернаторский дворец стал Домом Республики. В этом Доме Республики, или как его еще называли Дворце Свободы, с конца весны 1917 года далеко не мирно стали соседствовать буржуазный коалиционный комитет — орган временного правительства, возглавляемый кадетами и эсерами, и Совет рабочих и солдатских депутатов — ненавистный буржуазии «Совдеп». Но надо сказать, что и этот Совет в свою очередь разделился на два крыла, на две никогда не приходящих и не способных прийти к согласию группы — на соглашателей-меньшевиков и эсеров, с одной стороны, и на большевиков — с другой.

Об этих разногласиях внутри Дома Республики было хорошо осведомлено население города. Ясно, на чьей стороне оказались люди богатые. Большевикам предстояла серьезнейшая задача освободить от влияния эсеров-меньшевистской шатии широкие массы. Эти «...не искушенные в политике широкие массы народа, захлестнутые волной мелкобуржуазной стихии и опьяненные первыми успехами революции, оказались в первые месяцы революции в плену у соглашательских партий и согласились уступить буржуазии государственную власть, наивно полагая, что буржуазная власть не будет мешать Советам вести свою работу.

Перед большевистской партией стояла задача — терпеливой разъяснительной работой в массах вскрыть империалистический характер Временного правительства, разоблачить предательство эсеров и меньшевиков...»¹

Одним из наиболее энергичных и талантливых деятелей большевистского крыла омского Совета оказался в 1917 году никто иной как юноша из Тобольска, Залман Лобков. Пламенный оратор и трезвый политик, он один из первых нашел общий язык с рабочей аудиторией, с крестьянами, с солдатами. Залман Лобков во-время появлялся там, где плели свои сети кадеты, меньшевики и эсеры. Соглашатели и контрреволюционеры возненавидели Залмана Лобкова. Но он стал популярнейшим человеком среди рабочих и крестьян. Именно потому то и был он через несколько месяцев избран председателем общегородской организации большевиков².

Может показаться несколько быстрым такой рост этого юноши. Но ведь и все события разворачивались в те дни с необычайной быстротой. Время не ждало. С необычайной быстротой приближался тот час, когда Россия или должна была рухнуть вспять, потерять всю свою государственную мощь, быть разделенной, разъятой на части, стать колонией иноземцев или же должна была превратиться в первое в мире свободное государство рабочих и крестьян. С необычайной быстротой линяли красные февральские бантики в петлицах предателей, изменников делу народа. С необычайной быстротой откатывались в стан реакции разные, когда-то кичившиеся своей «революционностью», человечки. И с такой же быстротой росли новые люди, выдвигаемые революцией, люди преданные народу.

К числу людей, преданных революции, принадлежал и юный Залман Лобков. Он и сам, по свидетельству современников, несколько даже смущался той важной ролью, которую он должен был играть в этих событиях. Он был очень молод и очень скромен. Он был скромен по натуре, скромен в своих личных потребностях. Но его действия, его пламенные и в то же время не лишённые юмора речи поднимали на борьбу за лучшее будущее много тысяч людей. Вокруг него объединились массы. И не было человека более ненавидимого местной буржуазией, чем этот юноша, Залман Лобков.

Именно он стал одним из самых энергичных создателей первых отрядов Красной гвардии здесь, в Омске. Он вербовал людей, он раздобывал оружие. Он готовил рабочих к тому времени, когда словесная борьба перейдет в борьбу с оружием в руках. Было ясно, что буржуазия не отдаст своей власти без кровопролития.

Об этом свидетельствовало многое.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 172.

² Это было перед Октябрем.

Однажды железнодорожные профсоюзники получили из Челябинска спешную телеграмму о том, что следует задержать и разгрузить некий товарный вагон, направленный в омский адрес. Указывался номер вагона. Железнодорожники быстро нашли этот вагон: «капуста и дрова» — гласила надпись, сделанная на двери. Когда же пломба была сбита, оказалось, что в вагоне две тысячи наганов, сорок пулеметов и ленты к ним. Оружие предназначалось отнюдь не для Красной гвардии. Все это случилось вскоре после того, как телеграф принес весть о выступлении генерала Корнилова. Тогда, в тревожные дни корниловщины, созданный в Омске военно-революционный комитет прекратил существование буржуазного коалиционного комитета, но это вовсе не значило, что буржуазия обезврежена. Контрреволюция лихорадочно собирала свои силы и здесь, за Уралом. Вагон с «дровами и капустой» шел в адрес местных контрреволюционеров.

Этот случай с вагоном был лишь одним из многих признаков того, что дело идет к столкновению.

На октябрьские события в Петрограде контрреволюция Омска ответила восстанием школы прапорщиков. К этому выступлению прапорщиков толкнули контрреволюционные офицеры, эсеры и кадеты, не кадеты из кадетского корпуса, а члены партии К-Д, старые буржуазные зубры, владельцы роскошных особняков, пайщики крупнейших предприятий. Прапорщики захватили крепость. Старая, полуразрушенная крепость, чьи рвы давно засыпал песок, чьи валы заросли белой и чертополохом, снова стала военным лагерем. Патрулируя по крепости, юнкера бряцали оружием. В те осенние дни Залман Лобков явился в железнодорожные мастерские сказать рабочим, что пришла пора не словами, а делом бороться за революцию! Отряды Красной гвардии создавались не зря. Когда большевики призвали к оружию, почти все рабочие мастерских — и партийные и беспартийные, рота за ротой двинулись с вокзала в город к Дому Республики. К железнодорожникам присоединялись рабочие с других предприятий и солдаты, верные революции.

Тогда в Омске не было трамвая, не ходили и автобусы, а сообщение между вокзалом и городом поддерживалось лишь тихходным поездочком городской ветки. Но восставшая крепость оказалась быстро окружена вооруженным населением рабочих окраин. Люди явились прямо с работы, в закопченных, промасленных блузах. Одни красногвардейцы держали в руках винтовки, привезенные еще с фронтов империалистической войны, другие были вооружены тем оружием, которое оказалось в пресловутом «вагоне капусты», а кое у кого огнестрельного оружия не было и вовсе. Но эти пришли с твердым намерением отобрать оружие у взбунтовавшихся юнкеров.

Прапорщики постреливали из крепости, не переходя к активным действиям, ожидая, вероятно, инструкции от своих «вождей». Но вожди, вроде кадета Жардецкого, уже не раз освистанного и осмеянного трудящимися города Омска, не торопились проявить свои военные таланты. Рабочие и солдаты, окружившие крепость, не были в настроении шутить с мятежниками. Рабочие и солдаты обратились к командованию с требованием немедленно начать штурм.

Совет рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционный комитет не хотели лишнего кровопролития. Юнкерам было предложено сдаться. Восставшие согласились на это далеко не сразу. Они все-таки чего-то ждали. Какой-то помощи, видимо обещанной кадетами и эсерами. Но она не пришла. Это обстоятельство, по свидетельству современников, весьма подействовало на скорейшую сдачу юнкеров. Прапорщики были обезоружены и школа расформирована. Главарь восстания, человек, спровоцировавший прапорщиков на выступление против народа, присяжный поверенный кадет Жардецкий успел улизнуть от ответа. Он скрылся в уезд, готовить восстание кулацкой верхушки казачьих станиц.

События 25 октября 1917 года в Петрограде и Москве решили вопрос о будущем нашей страны. Партия Ленина—Сталина стала во главе народов. Под руководством партии Ленина—Сталина рабочие и крестьяне свергли правительство буржуазии. Возникло первое в мире государство рабочих и крестьян.

2 декабря 1917 года в Омске открылся Западно-Сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Руководили съездом большевики, среди которых был и Залман Лобков. Съезд постановил, что власть в Сибири переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Юридически это стало так. Но на деле борьба за власть между народом и его поработителями продолжалась здесь, у стен старой омской крепости, с силой, пожалуй, еще большей, чем до Октября. Бывшим хозяевам жизни — высшим административным чинам степного генерал-губернаторства, одетым в военную форму помещикам, верхушке казачьего офицества, купцам, подрядчикам, нажившимся на военных поставках, сельскому кулачью, казахским баям, татарским толстосумам из городских предместий естественно не хотелось расставаться с прежним благополучием. Само собой разумеется, не захотели проститься с сибирским рынком и его огромными барышами иностранцы. Всюду гадили меньшевики и эсеры. Трудным было это время для народа.

Омские большевики знали: опасность окружает со всех сторон. Фабриканты старались вывести из строя свои предприятия,

перешедшие в руки народа. Деревенское кулачье старалось сорвать работу советских продовольственных органов, железнодорожные начальники всеми способами стремились помешать движению продовольственных маршрутов на запад. Цель была ясна — оставить без хлеба Красную армию и промышленные города центральной России. Агенты контрреволюции разваливали работу учреждений, подбивая служащих на саботаж. «Будете, мол, честно служить большевикам, так вам потом не поздоровится! Крах большевиков близок!» Шайки белогвардейцев бродили близ города. В феврале красногвардейцы ликвидировали попытку бродячей банды белогвардейцев захватить город. Казначейские чиновники ухитрялись переправлять народные деньги этим белобандитам. Кликушествовали попы, собирая крестные ходы.

Залман Лобков в эти тревожные дни совмещал десятки разнообразнейших обязанностей. Он, как комиссар финансов, наводил порядок в казначействе, выслушивал «кошачий концерт» бунтующих чинуш, он появлялся на церковных папертях, чтобы разоблачить провокаторов, сеявших слухи, что «большевики грабят церковь». С церковной паперти приходилось мчаться на какой-нибудь завод, где соглашатели, по заданию хозяев, мутили рабочих. Приходилось самыми разнообразными средствами разоблачать и предателей, ведущих подлую работу по одурачиванию крестьян. Вот что рассказывает участник съезда Совета крестьянских депутатов, происходившего в Омске в январе 1918 года: «Эсеры пустили в ход все свои силы и средства... возлагали большие надежды на провал большевиков на этом съезде. Но вот выступает докладчиком все тот же жизнерадостный, с насмешливым огоньком в глазах, товарищ Лобков. Сермяжная аудитория насторожилась. Слушают каждое слово докладчика, а он излагает перед крестьянами сложные вопросы политической экономии на самом простом даже для крестьян языке. Я чувствовал, что крестьяне понимают его и что он их заинтересовал своей, можно сказать, популярной лекцией... Я был поражен смелостью Лобкова, был поражен его талантом... Доклад закончен. Открылись прения. Эсеры распоясались во всю. Но в заключительном слове докладчик бичует мнимых социалистов так, что от них остаются рожки да ножки... Голосование. Резолюция. И за резолюцию большевиков поднимаются сотни ручных вех. Карта эсеров бита. Крестьяне с большевиками. После речи Лобкова они говорят: «Вот поди ты, маленький большевик, а как ловко все объясняет! Ай да Лобков! Как он ловко буржуев да соглашателей объяснил!»

Митинги, съезды. Но не менее важной по времени работой становилось укрепление обороноспособности молодой советской страны. Крестьянская беднота и наиболее передовая часть середнячества были за большевиков, но кулачье прятало на заимках человека с зловещей мордой, стилизованного под казака

дворянина, атамана Бориса Анненкова и его чубастых, готовых на все, головорезов. Надо было принять меры к тому, чтобы эти банды снова не ворвались в Омск. Надо было помогать и другим городам,—отправлять людей против забайкальского бандита, японского ставленника Семенова. Нужно было идти на помощь революционному Уралу, где тоже становилось беспокойно. Формировались части Красной армии. Рабочие шли в них добровольцами. Шла организация интернациональных партизанских отрядов. Создался штаб борьбы с контрреволюцией. Ибо контрреволюция тоже уже создала свои штабы. Такой штаб контрреволюции существовал в Омске, по свидетельству современников, «на главной улице города, в одном из домов Любинского проспекта, прикрываясь вывеской какого-то невинного комитета». Подобных «невинных комитетов» — «комитет эвакуированных с фронта», «комитет фронтовиков», «комитет больных и раненых воинов», «трудовой артели разоруженных офицеров» — таких комитетов и обществ было, увы, немало. «Больные и раненые воины» воровали оружие из арсеналов. «Трудовой артели» работали языками. Особый отдел по борьбе с контрреволюцией вылавливал наиболее наглых и неосторожных белогвардейцев, но с поездами, с пароходами, а то и просто запрятавшись в воз с сеном прибывали в город все новые и новые «гости» — офицеры и темные дельцы, направленные сюда в Сибирь тайными белогвардейскими организациями со всех концов страны.

* * *

В середине мая 1918 года Залман Лобков, явившись на заседание Омского городского Совета, сообщил о начавшемся в Поволжье и на Урале чехословацком мятеже.

Чего хотели чехословаки? Позднее все это стало совершенно понятным. Чехословацкие legionеры были вовлечены в авантюру своими начальниками, которые запродали всю многотысячную армию англо-французским империалистам. Еще в апреле, в Москве, во французской миссии, вожаки русской реакции, вместе с английскими, французскими и чехословацкими офицерами выслушивали доклад некоего капитана Кошнина, делегата от сибирских белогвардейцев. Отрезать Сибирь от России! В том плане, какой выработала буржуазия для уничтожения первого в мире государства рабочих и крестьян, захват Сибири был одной из важнейших операций.

Возможно, что Залман Лобков и его товарищи, большевики Омска, не знали обо всех подробностях этого гнусного заговора. Но было ясно: чехи заняли Челябинск. Известно было и то, что чехи, прикрываясь «демократическими» лозунгами, действуют как враги народа. В захваченных чехами пунктах расстреливали большевиков и жестоко преследовали всех, кто сочувствовал советской власти. Пал Челябинск и почти одновременно пришли

тревожные вести с востока—чехи под Ново-Николаевском. Вместе с чехами — белогвардейцы. Эти шли в открытую. Но не предвещала ничего доброго и политика соглашателей. По злорадному бормотанию меньшевиков и эсеров можно было понять, что и они готовы к открытой измене и только ждут часа. Решительная схватка приближалась... Рабочие Омска на своих собраниях твердо постановили: защищать советскую власть.

Не старая крепость на Оми смогла бы защитить город. Эта крепость, в которую по традиции прятались юнкера во время прошлогоднего мятежа, не привлекла теперь особенного внимания революционного штаба. Железнодорожный узел — вот где наметился центр обороны. Здесь, у стальных путей, рабочие наскоро проверили свои военные знания. В мастерских прекратились все работы, кроме одной — сооружения бронепоезда. Лобков был здесь.

21 мая из-за реки, с Куломзино, сообщили о появлении первого эшелона чехословаков. Их представитель, некий Ульрих, держался вызывающе и надменно. В ответ на предложение разоружиться Ульрих заявил, что, если эшелон не будет пропущен с оружием и боеприпасами, чехи займут Омск. Одновременно стало известным, что чехи расстреливают большевиков в Петропавловске.

Вскоре зловеющий чехословацкий эшелон все же попятился прочь из Куломзино, обратно, на запад. Чехи, видимо, не решились вступать в бой с красногвардейцами и рабочими города. Отряд Красной гвардии в поезде двинулся вслед за чехами по направлению к станции Марьяновка. Шли в надежде договориться с чехами, обезвредить их, заставить их сложить оружие. Чехословацкое командование будто бы ничего не имело против дальнейших переговоров. Но когда советский поезд вошел на станцию Марьяновку и уже остановился, чешские офицеры приказали своим пулеметчикам открыть огонь...

В первом бою погибло около сотни омских рабочих и в том числе командир отряда Успенский. Это было 25 мая. Чехи отступили, запросили перемирия. Но за это время они лихорадочно подтягивали подкрепления. Защитники Омска тоже стягивали в этот район новые силы. У станции Марьяновка создался самый настоящий фронт. Еще больше бы людей дал штаб на защиту этого фронта у Марьяновки, если бы не пришлось бросить часть сил в другую сторону, на восток, на подступы к Барабинску, где тоже хозяйничали чехи.

Пятого июня начались под Марьяновкой кровопролитные и упорные бои. Во время этих боев к чехам присоединились белогвардейцы, беглые офицеры и кулацкое отребье казачьих станций. Эти бои велись почти одновременно с кровопролитными боями в Поволжье. Там, у Самары, вел на чехословаков коммунистические дружины омич Валериан Куйбышев, здесь, у Омска,

на родине Куйбышева, вдохновлял бойцов на борьбу за счастливое будущее человечества юный тоболяк Залман Лобков...

Глубокий тыл страны — тихие ковыльные степи, древние кочевья казахов, приют безземельных крестьян — эти степи превратились в поле ожесточенных сражений. Орудийный гул доносился до казахских аулов, до казачьих станиц, до украинских сел, русских деревень и старинных немецких колоний, до всех селений, что прятались за степными увалами и в березовых рощах по сторонам Великого Сибирского пути. В тихие утренние часы этот гул доносился и за Иртыш, до Омска.

Шли бои. Это были ожесточенные бои. Чехи и белогвардейцы, несмотря на свою высокую военную технику, долго не могли ничего поделаться с вооруженным народом. Примеры замечательной храбрости показывали защитники Омска, не только бойцы, но и жены, и сестры, и дочери их. Так, например, участники марьяновских боев сохранили нам память о замечательной девушке, но имени Маруся, комсомолке, санитарке, которая вывела из под обстрела чехов полный ранеными поезд. Маруся спасла таким образом сотни человеческих жизней. Эта Маруся потом ушла к партизанам. Были здесь юноши, бывшие ученики и студенты, в грозный час отложившие книги в сторону, чтобы взять в руки винтовку или гранату. Люди с городских окраин, потомки старинных засельщиков омских форштадтов, потомки вольных и невольных строителей города, потомки линейных и пахотных казаков, праправнуки крепостных крестьян, сосланных в Сибирь «за продерзость», внуки и сыновья голодных переселенцев, вот кто защищал старую крепость от нашествия иноземцев и бандитов в офицерских мундирах. Но не только омичи были в рядах защитников Омска. Были тут и уроженцы далеких городов Будапешта и Вены — венгерские и австрийские солдаты, военнопленные империалистической войны. Были здесь, говорят, и чехи, и словаки, ставшие на сторону истинной демократии, на сторону революционного народа России. Латыши, эстонцы, переселенцы из Прибалтики, немцы-колонисты, бывшие батраки важных фермеров оказались здесь в рядах бойцов за социалистическую Сибирь. Под красное знамя Советов пришли и татары, потомки подданных царя Кучума — сибирские татары — тоже рабочие и такие же бедняки, как и потомки ермаковских казаков — завоевателей Сибири. Вот кто боролся против реакции, вот кто с винтовкой в руках отстаивал счастье будущих поколений, отстаивал дело Ленина — Сталина.

Залман Лобков «появлялся в самых опасных местах фронта, подавал примеры бесстрашия, воодушевлял бойцов, сражавшихся с вооруженным до зубов противником»¹. Жизнерадост-

¹ См. газету «Омская правда» от 21/II 1938 г. «Герои борьбы за советскую Сибирь».

ный юноша не боялся чехословацких и казачьих пуль, он смеялся над опасностью. Но он заплакал, как ребенок, поняв, что придется, в конце концов, отступить. Перевес был явно на стороне врага. У защитников Омска истощились запасы патронов и снарядов. Нужно было отступить, чтоб сохранить силы для будущих боев с контрреволюцией.

Омск решено было оставить.

* * *

...Город был страшен. В городе готовился показать свои зубы другой «интернационал». Купцы — русские, татарские, еврейские вкупе с казахскими баями, спекулянтами и с представителями заграничных фирм совещались о том, как бы помешать большевикам эвакуировать золотой запас банков. Хмурый заводчик Рандруп — король местной промышленности — совещался с русскими коллегами — с мелкотой, хозяйчиками мастерских и заводиков — о будущей тактике предпринимателей по отношению к рабочим. «Теперь они у нас не пикнут». Православные попы, равно как и ксендзы, и пасторы, и раввины, и муллы, готовились к торжественным богослужениям.

Седьмого июня город был сдан. Радовались все буржуи, кроме пароходовладельцев, пожалуй. Пароходчики с ужасом и тоской наблюдали из глухих переулков, как над «Товарпарами», «Андреями Первозванными», «Феликситатами Корниловыми», «Европами» и «Азиями»¹ взвились красные флаги. Речная флотилия приняла на борт героических защитников Омска. Дула пулеметов выглядывали из рубок. Флот, не зря национализированный в 1917 году комиссаром Алексеем Бум, ушел вниз по реке.

Большинству защитников Омска удалось впоследствии соединиться с Красной армией. Многие вернулись в свой город. Но многие и погибли. Так был на реке Тоболе захвачен колчаковцами комиссар водных путей Сибири Алексей Буй, тот самый, что когда-то национализировал пароходы. Буй крикнул колчаковцам перед расстрелом: «Вы убьете меня, но не убьете рабочего дела!». Погибла и юная санитарка Маруся, та самая, что спасла сотни раненых под Марьяновкой, выведя поезд из под обстрела. Девушку в конце 1918 года растерзали колчаковцы.

Погибли сотни смелых революционеров. Многие могилы у Марьяновки, в Омске, в степях, на берегах рек Сибири напоминают нам о судьбе героических защитников родины, павших в 1918 году, во время первого натиска белобандитов и агентов англо-французского империализма.

Но есть еще одна могила. Далеко за Уралом. Перед этой могилой, скорбя, обнажит голову каждый человек, который лю-

¹ Старые названия иртышских пароходов.

бит родину. Это могила юного революционера-тоболяка Залмана Лобкова. Она не в Омске и не в Тобольске, эта могила.

После захвата Омска чехи и белогвардейцы с особенной яростью и упорством разыскивали Лобкова. Пытали пленных: «Где Лобков?» «Кто Лобков?» Но Лобков был далеко. Ему удалось на пароходе пробраться до Тюмени. Затем ушел он в Советскую Россию. Он работал на Урале. Затем его видели в Москве. Узнав о неудавшемся восстании 22 декабря в Омске, Залман Лобков не захотел оставаться в столице. Его потянуло в Сибирь, ближе к Омску. Он отпросился у Москвы на подпольную работу в захваченный белыми Челябинск. Это было уже в 1919 году. Арестованный в Челябинске, Залман Лобков был увезен колчаковцами в Уфу. Там он и погиб, был зверски убит колчаковцами, зарублен шашками в ночь с 17 на 18 мая 1919 года.

ХІ. МЕТАМОРФОЗЫ СИБИРСКОЙ ЗИМЫ

Но алый пламень не погас,
Он в хижинах горел нередко.
Угрюмых слов и дерзких глаз
Не сосчитала контр-разведка.

Сибирская зима на редкость красива, но сурова и беспощадна. Эта северо-восточная красавица, зима 1918 года, обратила на себя особенное внимание неких богатых и важных поклонников — джентльменов, вершивших политические дела Европы. Джентльменам захотелось нарядить сибирскую зиму в щегольскую офицерскую папаху, вооружить эту зиму огнестрельным оружием западно-европейского образца и дать в руки красавице старую дворянскую плетку.

Страшно было этой зимой в Сибири. Даже природа преобразилась. Всему было дано дикое и мучительное назначение — древесные сучья стали виселицами, прутья — розгами, проруби — входом в могилу.

Омские богатеи и беглые богатеи из-за

Урала рассчитывали весело провести эту зиму. Уютно и тепло было в купеческих особняках. В одном из таких особняков устроился на зиму сам адмирал Колчак. Лучшие общественные здания Омска, в том числе и здания учебных заведений, откуда выгнали учеников и учителей, были отданы под казармы всевозможным гостям из-за границы. Чехи, англичане, французы, румыны, поляки, американцы—каких только войск не было видно на улицах города! Старый железный мост через Омь, построенный когда-то инженером Рубакиным, братом известного популяризатора естественных наук и биографа замечательных людей, этот старый мост трещал и гнулся от тяжести артиллерийских орудий, от топота толп. Казалось, что представители всех народов мира, когда-то описанных Рубакиным в своих книжках, проходят через этот мост. Но увы, это были представители не от народов, а от жадных и лукавых правительств. Это были интервенты, душители революции, посланные на помощь Колчаку, который двинул свои войска через Северный Урал на Пермь и Вятку.

Белогвардейцы хозяйничали в Омске, проявляя с каждым днем все больше жестокости и наглости. Еще в конце осени, 25-го октября, бывший казачий эсаул Красильников, «произведенный» Колчаком в генералы, расстрелял среди белого дня пять железнодорожных рабочих. Рабочие бастовали, требуя увеличения ничтожно низкой заработной платы. На это требование белогвардейцы ответили выстрелами. Белогвардейцы видели, что в конце концов требования о повышении заработной платы есть только один из многих поводов забастовки, а самая главная причина забастовок и недовольства железнодорожников — желание способствовать переброске белогвардейских отрядов на фронт против Советской России. Эти забастовки рабочих и низших служащих прокатились в октябре по всем железным дорогам Сибири.

Не успели вымерзнуть кровавые лужи во дворе железнодорожных мастерских, как через станцию Омск проследовал эшелон смерти. Это везли из Уфы на Дальний Восток для расправы тысячу шестьсот красногвардейцев, красноармейцев, рабочих. Тут были и коммунисты, и беспартийные. Тут были люди не только боровшиеся за советскую власть и захваченные с оружием в руках, но и просто высказавшие где-то и когда-то свои симпатии советской власти. Омские рабочие видели, как из эшелона выбросили несколько трупов замученных людей. Рабочие нашего города не побоялись выразить свое сочувствие узникам этой гигантской тюрьмы на колесах — вокруг эшелона собралась толпа, люди старались передать заключенным пищу, газеты, табак. Позже, за сочувствие к пленникам многие жестоко поплатились. Впрочем, и те, кто не выражал своих чувств открыто, тоже поплатились. Все без исключения честные рабочие

Омска жили в те дни под постоянной угрозой ареста, порки, расстрела. Озверелые белогвардейцы шныряли по рабочим окраинам, вынюхивая «крамолу». Пожалуй, колчаковцы истребили бы всех рабочих, если б все же не нуждались в их труде и не имели бы безумной надежды превратить их в своих рабов.

Много рабочих, бывших красногвардейцев, уходя от преследования колчаковцев, скрывались в деревни, превращались на время в пастухов, в охотников, в рыбаков, в лесорубов. Но и в деревне было трудно укрыться. После того, как белогвардейцы вздумали мобилизовать крестьян, много военнообязанных бежало в леса. На поиски бежавших шли из белогвардейской столицы каратели. Чего только не делали эти бандиты! Производили поборы и реквизиции. Насиловали женщин. Пороли крестьянок розгами, распинали нагих в сорокаградусные морозы на кладбищенских крестах, выпытывая, где мужья и братья. Деревенские кулаки помогали колчаковцам в искоренении «крамолы». Но в лесах и оврагах зарождались партизанские отряды. Русские, украинские, белорусские крестьяне, татары и казахи вливались в них. И крепла тайная нерушимая связь между разоренными селениями и забрызганными рабочей кровью окраинами городов.

Терпеть становилось все труднее. Всюду творилось беззаконие, грабеж, уничтожение всего ценного, накопленного многолетней тяжелой работой. Это прекрасно видели рабочие и крестьяне. Иностранцы, омские гости, по-хозяйски высматривали все, что есть кругом. Они интересовались богатствами степи и плодородием почв и состоянием лесов. Они, иностранцы, эти друзья белогвардейцев, видимо, рассчитывали устроиться здесь надолго. Жестокая зима не пугала этих зябких, изнеженных офицеров. Люди Сибири знали, что значат эти расспросы — знали и раньше, в чьих руках оказались Риддерские шахты на верховьях Иртыша, медь и уголь казахских степей...

Все трудней и трудней становилось терпеть эту власть. «...народы России не хотели и не могли поддерживать противонародную политику интервентов и белогвардейских «правитель»¹.

Во второй половине декабря адмирал Колчак почувствовал себя нездоровым. «Верховный правитель» начал кашлять и морщиться. Он вовсе перестал показываться за пределы своего особняка. Он, этот бывший полярный моряк, стал с некоторых пор чрезвычайно чувствителен к погоде. Возможно, что сыграли свою роль частые и резкие перемены климата. Из Петрограда в Скандинавию, оттуда в Англию, из Англии в Америку, оттуда в Япо-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 233.

нию, из Японии в Китай, из Китая в Индию... Едучи в Индию, он думал очутиться на месопотамском фронте, но телеграмма из Лондона, из «Интеллидженс сервис» заставила изменить планы. Было велено вернуться. Хозяева придумали адмиралу иное применение. Пришлось ехать в Харбин. А из Харбина сюда, в Омск... Хозяева играли адмиралом, как оловянным солдатом. Человек, изменивший своему народу, робот¹, управляемый по телеграфу, — вот кем был теперь адмирал Колчак. Но у него остались человеческие легкие. И они заболели...

Впрочем, толковали здесь в Омске, что болезнь — это только предлог не выходить из дому, ибо адмирал боялся за целостность своей особы. И несомненно, он испытывал и это чувство — чувство страха. Контр-разведка предупреждала уже давно: в городе неспокойно.

За окнами колчаковского особняка — старого купеческого дома на иртышской набережной — лежала снежная равнина. Этот замерзший Иртыш был для Колчака страшнее, чем поверхность арктических льдов, страшнее, чем полярные тундры, которые адмирал пересекал в молодости.

Еще 21 декабря контр-разведка разгромила несколько конспиративных квартир, арестовав много рабочих-большевиков, как можно было предполагать — «главарей» задуманного восстания. Генерал Лебедев — начальник штаба — радостно сообщал Колчаку, что восстания не будет, так как главаря его захвачены. Дознание же над арестованными, мол, ведется. Этот день Колчак провел спокойно. Но все-таки не хотелось выйти из дому, не хотелось выезжать в город, если бы даже врачи и разрешили. Столица, тонущая в снегах, косая и деревянная, этот город, через который северный ветер гнал снежные вихри, не манила поглядеть на себя. Не хотелось видеть и населения, по весьма понятным причинам.

День он провел дома. Этот день, как помнилось адмиралу, никаких решительно больше новостей не принес.

Ночью дежурный адъютант разбудил Колчака: «В городе происходит выступление красных, восставшими занята тюрьма, освобождены все арестованные. Идет ружейная стрельба на окраинах. Начальник штаба сообщит подробности по телефону и просит не беспокоиться».

Начальник штаба и вчера уверял, что все благополучно: вожаки предполагаемого восстания захвачены. Просьба не беспокоиться звучала, как насмешка.

Рукой, которая дрожала от злости, равно как и от страха, Колчак взялся за телефонную трубку. Лебедев подтвердил: «Не беспокойтесь». Из объяснений начальника штаба Колчак уяснил, что, кроме нападения на тюрьму и отдельных столкновений на

¹ Механическая кукла.

окраинах города, «все спокойно и благополучно». На вокзале спокойно. Непокойно только за рекою—в Куломзино (скосив глаз на окно, Колчак мог видеть это далекое, лежащее за снежной равниной Иртыша, Куломзино) — где повстанцы, повидимому, концентрируются. Но туда, в Куломзино, отправлены уже казачьи части и походная артиллерия. «Есть ли связь с армией?» — спросил Колчак. «Связь прервана в Куломзино,— ответил Лебедев,— но я надеюсь, что она будет скоро восстановлена».

Вот что узнал Колчак в предрассветных сумерках 23 декабря. То, что он узнал, не успокоило нисколько. Через толстые двойные рамы окон купеческого особняка доносилось потрескивание, странное потрескивание, будто бы там, за рекой, разгорался громадный незримый костер. Это были ружейные выстрелы. Но стекла окон еще не подрагивали. Значит, артиллерия еще не дошла до Куломзино. Долго же собирается Лебедев!

В одиннадцать часов Лебедев прибыл к Колчаку. Он доложил: в Омске выступление не удалось, все переносится на Куломзино. Там идет бой. У восставших оказались пулеметы. Сейчас должна подойти из города артиллерия для расправы с восставшими.

Долго же шла артиллерия! С рассвета до полдня, по крайней мере четыре часа длилась эта переброска орудий через Иртыш. Итти с такой быстротой значит итти нехотя. Боятся или не хотят? Чорт их знает! Во всяком случае, адмирал Колчак не надеялся на ум своих офицеров и верность своих солдат. Ведь именно солдаты, солдаты 8-го полка участвовали во взятии тюрьмы. Сухо простился Колчак с Лебедевым. Не принесло утешения и известие, что в вечерних сумерках Куломзино оказалось со всех сторон охвачено войсками. Как же так — со всех сторон охвачено войсками, когда одновременно сообщают, что часть мятежников бежала? Или солдаты нарочно выпустили повстанцев из кольца осады? Едва ли! Все же на борьбу с куломзинцами посланы наиболее верные люди. Ненадежные заперты в казармах. Он справлялся! Он получил заверения в том, что в Куломзино пошли отборные части. Так значит и эти отборные люди не на высоте? Они просто трусят! Им гораздо привычнее хвастаться в кабаках на Дворцовой, в «Люксе», в «Буффало», в «Золотом якоря». Они храбро воюют со штатскими в борделях на Скорбященской улице. Вот на что они главным образом способны. А пуль куломзинских грузчиков они, повидимому, боятся. Нет! Не с их помощью он возьмет Москву.

Через щель в шторе он глядит на Куломзино. Там в сумерках длится бой, бой с переменным успехом. Колчак, само собой, ненавидит повстанцев. Но ему и в голову не приходит лично отправиться туда, на линию огня, лично руководить войсками. Во-первых, он болен — покалывает легкие. Во-вторых, как то неудобно самому ехать лично руководить расстрелом, избиением рабочих. Едва ли это прибавит популярности. В третьих, ему мо-

гут всадить пулю и даже не в лоб, а в затылок. Свои. Словом, он и не думает об эффектной возможности войти в Куломзино во главе своих войск. Он не каратель, он верховный правитель. Но кто-то ему должен помочь, раз его собственные солдаты не способны решительно покончить с мятежом.

И эта помощь является как раз во время. Господин Уорд требует свидания с адмиралом.

* * *

Полковник Уорд напрасно повышает голос. Никто не собирается отговариваться поздним часом, или тем, что адмирал болен. Полковника сразу же ведут к Колчаку.

Этот англичанин Джон Уорд был когда то рабочим, благонамеренным средним английским рабочим, тред-юнионистом. Во время войны, следуя призыву защищать отечество, Уорд добровольно пошел в армию. Вскоре ему посчастливилось стать офицером. Произведенный в офицеры и избранный членом парламента, он почувствовал себя на седьмом небе. Он стал верным слугой его величества короля Георга... Теперь, будучи послан в Сибирь с экспедиционным отрядом английских стрелков, Уорд, человек весьма недалекий и самодовольный, купается в лучах славы, идущих от адмирала. Колчака Уорд считает чем-то вроде русского Бисмарка, сибирского Гладстона, правда окруженного всякими самарскими, уфимскими и омскими пигмеями, которые только и делают, что вставляют палки в колеса государства. Так предполагает этот полковник, представляющий собою здесь, в Сибири, мощь Великобритании, этот полковник Уорд, правая рука генерала Нокса — главы британской военной миссии в Сибири.

Адмирал встретил Уорда с нескрываемой радостью. Вот с такими «рабочими», конечно, можно иметь дело. В Англии сумели воспитать приятных во всех отношениях людей. Гнетущее чувство одиночества и тревоги покинуло Колчака. В конце концов, пусть восстанет хоть весь Омск, но рано падать духом, когда здесь представители великих демократических держав. Пусть против Колчака три четверти всей России, но зато за него вся Европа. Разве не перессорились недавно эти двое — француз Жанен с англичанином Уордом за честь дать ему, Колчаку, охрану при поездке на фронт! Колчак любезно протянул руку этому бывшему рабочему. Он улыбался. Но Уорд, обычно такой почтительный по отношению к адмиралу, на этот раз посмотрел в глаза Колчаку с нескрываемым недоумением и неодобрением.

Уорд был заметно взволнован. Он без лишних предисловий сообщил, что еще около полуночи русская главная квартира послала ему тревожное донесение. Да и сам он слышал выстрелы, доносящиеся с разных сторон. Шальная пуля ударила в стенку вагона, когда он, Уорд, одевался. В городе нет порядка, — объявил Уорд. Он видел: русские всадники кружили у ставки

без какого либо приказа. Ставка же была полна возбужденными офицерами и солдатами. Они спорили. Разве время спорить? При этом Уорд недоумевающе взглянул на Колчака. Затем Уорд сказал, что согласно своим инструкциям, он не должен вмешиваться во внутренние дела России, но если повстанцы захватят город... Если повстанцы захватят город, то как они взглянут на англичан? «Надо показаться заблаговременно, чтобы быть уверенным, что движение не направлено против меня!» — пробормотал Уорд. И Колчак, прекрасно понимающий по английски, не раздумывал ни секунды над смыслом этой несколько неопределенной фразы. Они поглядели друг на друга. Затем Уорд попросил разрешения отправиться. «Но прежде моим людям должна быть дана пища и порция русской водки, единственного действительного противоядия против сибирского мороза!» — добавил англичанин.

Конечно! Это будет сделано сейчас же.

И тогда полковник-«демократ» удалился из кабинета, продолжая бормотать себе под нос, что он, Уорд, собственно говоря, не имеет инструкции вмешиваться во внутренние дела России.

* * *

Это восстание было уже не первой попыткой сибиряков расправиться с белобандитами и интервентами. Еще в сентябре рабочие Новониколаевска пытались организовать вооруженное выступление против белогвардейцев. Провокаторы выдали вождей восстания. Первого ноября восставшие новобранцы томского гарнизона раскрыли двери местной тюрьмы, выпустив на волю политических заключенных. Храбрецы солдаты поплатились за это жизнью. В середине ноября колчаковским шпионам удалось раскрыть красноярскую подпольную организацию РКП(б) и штаб, подготовлявший в этом городе восстание.

Вопрос о том, как должны проходить восстания, обсуждался на 2-ой подпольной сибирской конференции РКП(б), происходившей в Томске в конце ноября. Было решено, что ни одно выступление рабочих и крестьян против Колчака и интервентов не должно проходить без руководства партии. Говорилось о необходимости самой тщательной подготовки к восстаниям, чтобы не было напрасных потерь, чтобы не гибли зря драгоценные человеческие жизни.

В подготовке декабрьского восстания в Омске оказывал помощь Сибирский подпольный ЦК РКП(б). Омские рабочие рвались в бой против белобандитов и иноземцев. И главная задача подготовки к восстанию заключалась в том, чтобы не дать провокаторам и шпионам заранее вызнать планы рабочих. Но, видно, слишком велика была сила ненависти, чтобы ее даже и до времени можно было скрывать. Контр-разведка Колчака нащупала нити восстания. 21 декабря, по указаниям провокаторов, на конспи-

ративных квартирах было захвачено несколько десятков рабочих большевиков.

По первоначальному плану восстание должно было начаться в рабочих районах и затем перекинуться на казармы гарнизона и на концентрационные лагеря, в которых томились взятые в плен колчаковцами красноармейцы. После ареста подпольщиков выступление решено было отложить, но это решение не смогли довести до всех районов. И восстание вспыхнуло не во всем городе, но на разных его концах, так что отдельные группы восставших оказались не в силах слиться воедино.

Немногочисленный, но смелый отряд рабочих и восставших солдат гарнизона захватил тюремный замок. Немного позднее выступили куломзинские рабочие. Там, за рекой, где над путаницей железнодорожных путей серой громадиной поднималась четырехэтажная колокольниковская паровая мельница, раздалась ружейная стрельба, появились сотни людей, готовых бороться до последней капли крови. Тут были железнодорожники, рабочие автомобильного транспорта, грузчики. Обезоружив милицию и войска, повстанцы заняли железнодорожную станцию.

Но куломзинские храбрецы оказались отрезанными от городских повстанцев... Может быть куломзинцы и выдержали бы напор колчаковских частей, если бы в дело не ввязались интервенты. Дрожа за собственные шкуры, бросились на помощь Колчаку чехи. Боясь быть отрезанным от английских морских отрядов в Уфе и от броневоего поезда «Суффолк», находившегося западнее Омска, погнал на штурм Куломзино своих пьяных солдат Уорд.

И Куломзино не выдержало.

Около тысячи рабочих было убито белогвардейцами на территории Ново-Омска. А тех, кто были взяты живыми, подвергли колчаковские палачи жесточайшим истязаниям — порке шомполами, пытке огнем. Колчак распорядился судить участников восстания военно-полевым судом. Этот суд приговаривал только к расстрелу и каторге. Весь город знал, что судит этот суд, выворачивая подсудимым суставы, вытягивая подсудимых на дыбе... Впрочем многие преданные этому суду и не увидели судей. Конвоиры, для удобства, расстреливали подсудимых еще на пути в суд. Судьям оставалось в ряде случаев лишь торопливо выносить приговоры уже убитым или замученным людям. Так, рабочие большевики, захваченные на конспиративных квартирах накануне восстания, были расстреляны ночью, а приговор им был вынесен в четыре часа утра следующего дня.

Попутно колчаковцы умертвили и довольно много людей не принимавших участия в восстании. Так были расстреляны «учредивовцы», несколько членов учредительного собрания, пресмыкавшихся перед Колчаком и добровольно вернувшихся в тюрьму после того, как заключенные были освобождены восстав-

шими рабочими и солдатами. Никто особенно и не пожалел об этих застреленных под шумок «учредивовцах», о них попросту позабыли.

Но память о храбрецах-рабочих, о сотнях грузчиков и железнодорожников Ново-Омска, об этих простых решительных людях, не испугавшихся почти с голыми руками пойти на Колчака и иноземцев интервентов, о людях, обезоруживших войска и милицию,— память об этих храбрецах будет жить вечно.

За рекой, в Кировском районе города Омска, на широкой площади, среди деревьев молодого сада поднимается монументальный каменный памятник жертвам 22 декабря 1918 года. Около памятника лежит розоватая могильная плита, на которой написаны славные имена людей, боровшихся за свободу и счастье родного народа.

* * *

Кончался декабрь 1918 года. С новым годом и с новым счастьем поздравляли друг друга белобандиты. Но мало счастья предвещал им наступающий 1919 год.

Под новый год распространилось известие о новом восстании— о восстании солдат и рабочих в Канске. Восстали железнодорожники на станции Иланской. Восстания были подавлены, но большинство повстанцев ушло в паргизаны. В конце января стало известно о восстании рабочих в далеком Бодайбо. А первого февраля снова раздались выстрелы и здесь, в Омске. Группа смельчаков ворвалась в колчаковские казармы и, убив офицера, пыталась поднять солдат на восстание.

После этого и был захвачен в Омске колчаковскими контрразведчиками один из активнейших организаторов декабрьского восстания, крупный деятель большевистского подполья в Сибири Арнольд Яковлевич Нейбут. Это была желанная добыча белобандитов.

Старый большевик Нейбут, живший до февральской революции в эмиграции, в Соединенных Штатах, затем принимавший участие в работе Владивостокского Совета, затем работавший в Москве во ВЦИК'е, в начале 1918 года был назначен комиссаром по иностранным делам Дальнего Востока. Чехословацкая авантюра застала Нейбута в Омске. Он не уехал на Дальний Восток. 2 подпольная конференция большевиков (в Томске) избрала Нейбута председателем сибирского комитета партии. В декабре Нейбут был в Омске. Как сказано, он являлся одним из активнейших организаторов декабрьского восстания. С оружием в руках был он среди куломзинцев. Из этого восстания ему удалось уйти невредимым. Он участвовал и в подготовке восстания 1 февраля... Схваченный колчаковцами, он был убит после жестоких пыток. Но перед расстрелом Нейбут и другие томившиеся в Омской тюрьме члены Сибирского ЦК РКП(б) товарищи —

Масленников, Рабинович и Лесной-Вавилов сумели отправить письмо, содержание которого говорит нам о том, с какой твердостью и верой шли на смерть честные революционеры-большевики. Вот отрывок из этого письма:

«Умирая на заре всемирной революции, мы с гордостью прошли тернистый путь... Американский рабочий класс и крестьянство уже стали понимать цели доморощенных демократов, носящихся с торбой лиги народов, их приспешников Гомперсов, и так же предъявляют свои права. Революционное движение не оставляет Китай, Японию и Индию, где происходят восстания против власти насильников. Мы верим, что недалек тот час, когда весь мир сольется в общей борьбе с Великой Российской революцией против угнетателей и паразитов. Мы верим, несмотря на то, что царские холопы во главе с Колчаком железом и кровью стремятся задушить малейшее проявление живого дела освобождения, все же его участь будет решена. Скоро владычеству его будет конец. Уже сейчас вся Сибирь покрыта сетью восставших крестьянских масс. Несмотря на дикую расправу белогвардейской сволочи, вплоть до сжигания и уничтожения целых селений, революционное движение растет все шире и шире!..»

Это письмо о многом должно было бы сказать изменнику дела рабочего класса Джону Уорду, который весело провел святки в Омске.

Сибирская зима принимала облик несколько иной, чем это рисовалось Уорду и многим другим омским гостям из Европы. На фронте начались неудачи. Сильно ухудшилось дело и в тылу. Не в офицерской папаше, не в меховой шинели с золотыми погончиками на плечах выглядывала зима из тайги и урмана. Этой сибирской суровой красавице куда более к лицу оказались ушастая шапка и простой полушубок. Зима-партизанка, вооруженная взятым с боя оружием, выглядывала из лесов. Она шла мстить за окровавленный снег, за окоченелые трупы, что валялись вокруг Омска так же, как, впрочем, вокруг любого города, любой деревни, любого поселка.

ХІІ. НА КОЛЧАКА!

Бежало войско Колчака
В звериные одето шкуры

Весной 1919 года Антанта начала большой поход против Советской России. «Поход этот был комбинированный, ибо он предполагал совместное нападение Колчака, Деникина, Польши и Юденича и смешанных англо-русских отрядов в Туркестане и в Архангельске, причем центр тяжести похода лежал в районе Колчака» (Сталин).

Колчаку было велено взять реванш. В декабре минувшего 1918 года ему удалось было захватить Пермь. Но в январе 1919 года 2-ая и 3-я Красные армии, выполняя план, намеченный товарищем Сталиным, — «перешли в контрнаступление и почти полностью ликвидировали первоначальный успех Колчака»¹. С весны Колчак, выполняя приказ Антанты, снова бросил в на-

¹ См. статью полковника Болтина «К 20-летию победы над Колчаком» ОМГИЗ, 1939.

ступление на Советскую страну свою армию, достигнувшую к тому времени численности в полтора-два тысяч человек. Кроме того, за спиной этой белой армии стояло еще приблизительно такое же количество иноземцев — чехи, англичане, американцы, французы, итальянцы, поляки, румыны, японцы. Интервенты гнездились всюду на протяжении великого Сибирского железнодорожного пути, соединяющего Урал с побережьем Тихого океана.

Колчак чувствовал себя чрезвычайно сильным. Он устремился в направлении Уфы и Самары.

Но защитники Советской России, имея на этих участках фронта таких полководцев как Фрунзе, Куйбышев и Чапаев, без трепета встретили нашествие колчаковской армии, этой армии двенадцати языков, этой прекрасно снабженной и вооруженной англо-французскими империалистами армии контрреволюции. Отступать перед Колчаком задумал только предатель Троцкий. И после, когда колчаковцы покатались назад к Уралу, Троцкий хотел оставить сибирских трудящихся во власти Колчака. «В момент разгара наступательных действий Красной армии на восточном фронте Троцкий предложил подозрительный план: остановиться перед Уралом, прекратить преследование колчаковцев и перебросить войска с восточного фронта на южный фронт. ЦК партии, хорошо понимая, что нельзя оставлять Урал и Сибирь в руках Колчака, где он может с помощью японцев и англичан оправиться и снова стать на ноги, — отклонил этот план и дал директиву продолжать наступление... Наступление Красной армии против Колчака стало разворачиваться с новой силой. Красная армия нанесла Колчаку ряд новых поражений и освободила от белых Урал и Сибирь, где Красную армию поддерживало мощное партизанское движение, возникшее в тылу белых»¹.

В то время, как колчаковская армия отступала за Урал, жители города Омска стали свидетелями таких событий: город, еще недавно набитый до отказа всякой буржуазной сволочью, жирными беженцами из Советской России — помещиками, капиталистами, спекулянтами, начал катастрофически пустеть. Предвидя большие неприятности в будущем, вся эта публика устремилась на восток, — кто в Шанхай, кто в Харбин, кто во Владивосток, а кто и за море в Йокагаму... Пустели барские особняки, не было заметно прежнего оживления в театрах и ресторанах. Омск все больше и больше терял подобие столицы. Толпа схлынула с улиц, и во всей своей неприглядности выступили серые, покосившиеся, давно не отремонтированные заборы и деревянные капканообразные тротуары. До ремонта ли тротуаров было отцам города, с головой ушедшим в прошлом году в дела высокой политики!

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 226.

Затем началась осень. Через свинцовые лужи потянулись санитарные повозки. Фронт приближался. Скоро стало понятно — Колчак едва ли сможет защищать свою столицу. Улицы города, полные когда-то нарядными дамами, солидными буржуа, веселыми иностранцами, теперь наполнились распоясанными угрюмыми солдатами. Отступающая армия, пятясь, как безумный слон, неловко вступала в пределы города Омска и далеко вокруг растекалась по селам и деревням.

Уходя, колчаковцы грабили мирное население, проделывая над крестьянами, рабочими и трудовой интеллигенцией все то, что могут проделывать над своими беззащитными жертвами озверелые и потерявшие человеческий облик бандиты.

Такого грабежа сибиряки не испытывали еще никогда. Мало того, что при отступлении колчаковцы отбирали коней, повозки, продовольствие и теплую одежду, якобы, необходимые для войска в пути. Но вместе с этим они не брезговали стянуть у крестьянок последние юбки. Так, например, в татарской деревне Тотеново, по направлению к Таре, колчаковцы отняли у татарок десятки платьев, шелковые шали, увезли из деревни богатый груз кедровых орехов. В деревне Еланке, близ Татарска, колчаковцы, забравшись на постой в школу, поломали в щепы десятки парт, украли из физического кабинета два с половиной золотника золота и такое же количество платины. В школе другой деревни — Кушаковки — бандиты колчаковцы выбили все стекла и уничтожили половину библиотеки, разорвав в клочья книги. Они грабили кассы кооперативов, отбирали у ямщиков колокольчики, срывали с крестьянок золотые обручальные кольца и даже сережки.

Колчаковцы угоняли с подводами людей и бросали их на произвол судьбы за сотни верст от дома, не отдав назад лошадей. В ямщики на возы с награбленным добром бандиты садили крестьянских девушек и женщин, даже беременных. Много таких невольных проводников и проводниц замерзло или было убито в пути. Грабили и насильничали не только колчаковцы, но и иноземцы.

Так, например, чехословацкий генерал Гайда удирал из Сибири, нагрузив эшелон добычей, в число которой входили самые разнообразные предметы: мебель, экипажи, моторные лодки, фабричные станки, слитки меди, железо, словом, все, что плохо лежало в городах Сибири.

Много жутких преступлений было сделано колчаковцами и интервентами на прощанье. Уходя, напоследок, они расстреливали рабочих, добивали полузамученных узников в застенках. Много вокруг Омска могил, в которых погребены жертвы белого террора.

24-октября 1919 года в своей речи перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт,

В. И. Ленин говорил: «Вы знаете, что Колчаку оказывала помощь вся европейская буржуазия. Вы знаете, что сибирская линия охранялась и поляками, и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку. И все это рухнуло, потому что крестьяне, сибирские крестьяне, которые менее всего поддаются влиянию коммунизма, потому что менее всего его наблюдают, получили такой урок от Колчака, такое практическое сравнение (а крестьяне любят сравнения практические!), что мы можем сказать: Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать. Вот чем кончилась власть Колчака, и вот почему на этом фронте мы чувствуем себя наиболее прочно». (Ленин, том XXIV, стр. 495—496).

14 ноября 1919 года в Омск вступила пятая Красная армия. Преследуя отступающих колчаковцев, красные кавалеристы ворвались из-за Иртыша на улицу Капцевича. Эта улица после переименована трудящимися в Красный путь.

Многих товарищей не досчитались рабочие и крестьяне, когда стали подводить итоги событий. Тысячи людей были убиты и замучены в страшные месяцы власти Колчака и интервентов. Кучумовичи, водившие диких джунгарских всадников за омское устье, не наделали столько бед мирным русским крестьянам и другим народам Сибири, сколько бед наделали им кровавые собаки адмирала Колчака. За все двести лет существования города Омска самыми свирепыми кнутабойцами-комендантами не было совершено столько неистовых жестокостей, сколько совершили колчаковские палачи. Самыми злейшими начальниками казнокрадами не было награблено за двести лет столько, сколько успели награбить белобандиты за семнадцать месяцев своего хозяйничанья.

Адмирал Колчак, расстрелянный в Иркутске по приговору Революционного комитета в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года,— был злейшим врагом народов нашей страны.

ХІІІ. ДВЕ СЛАВЫ

Видишь этот колоссальный колос, эту ветвь с румяными плодами? Слышишь? Это будущего голос прозвучал над городами!

Двадцать один год тому назад про Омск толковали во всем мире. Короткое слово Омск не сходило со столбцов газет Европы, Америки, Азии, Австралии, Африки. Но это была дурная слава. Из шумного, грязного, переполненного авантюристами и проходимцами степного города затевал поход на советскую Москву черный адмирал Александр Колчак.

Народы России расправились с предателем адмиралом, выбросили за пределы страны интервентов. Сибирь снова стала советской. Короткое слово Омск сошло со страниц газет. Некоторое время бредовой колчаковский Омск еще оживал в мемуарной литературе, но мало по

малу иссякла и она. Приутихли разговоры об Омске за границей, не особенно много говорили об Омске и внутри нашей страны. Во всяком случае, о молодом восточном соседе Омска, о быстро растущем Новосибирске в первое десятилетие после войны было слышно гораздо больше, чем о старой крепости на Оми.

А между тем он рос, советский Омск, этот город, стоящий на перекрестке великого транссибирского железнодорожного пути и широкого полноводного пути из Монголии в Ледовитый океан. Он рос, этот город, стоящий на рубежах Казахстана и Сибири, город, где январские морозы напоминают приполярье, а июльский зной—среднюю Азию. И за двадцать лет он мощно вырос, этот город над тихой Омью.

Население Омска за эти годы увеличилось вдвое. Предреволюционный Омск с пригородами, считаясь самым большим городом Сибири, имел всего навсего сто сорок тысяч жителей. Теперь в Омске около трехсот тысяч населения. Прислушайтесь к говору толпы на улицах и на базарах Омска и станет понятно, что этот сибирский город принимал и принимает в себя мощные человеческие потоки со всех концов нашей необъятной страны. Быстрая речь сибиряков перемежается с говором волжан, северян, уральцев, татар, казахов, украинцев... Нередко приезжают в Омск люди с далекого обского севера — ханты, манси, ненцы. Иногда они сходят с пароходов, иногда—из кабин самолетов, но был и такой случай — люди севера прибыли на оленях и олени встретились с караваном верблюдов на железном мосту. Север встретился с югом. Ибо Омск—город, где январские морозы напоминают приполярье, а июльский зной—Среднюю Азию, — ныне стал культурным и административным центром огромной области, простирающейся от границ Казахстана до побережий полярного океана.

Лицо города значительно изменилось за последние годы. Датчанин Рандруп, неудачливый вице-консул Великобритании, не узнал бы и того места, где когда то стоял его «большой», по до-революционным омским масштабам, завод. Ныне на бывшей Бутырской улице, переименованной в улицу Герцена, там, где стоял завод Рандрупа, выросло действительно мощное предприятие—огромный завод сельскохозяйственных орудий. Этот завод имени Валериана Владимировича Куйбышева вместили бы на своей территории десяток рандруповских заводов. Но завод имени Куйбышева только один из многих новых заводов, созданных в Омске при советской власти за годы сталинских пятилеток. На пленуме омского городского Совета в октябре 1939 года были приведены красноречивые данные о росте местной промышленности. В первой пятилетке капиталовложения в промышленность города составляли 22,5 миллиона рублей, а во второй пятилетке уже 71 миллион. Свыше 5 миллионов рублей было израсходовано на реконструкцию завода имени Куйбышева, 52 милли-

она—на паровозо-вагоно-ремонтный завод, 4,3 миллиона на суконную фабрику. Во второй пятилетке в Омске выстроены: молочный завод, биофабрика, картографическая фабрика, мельница № 1, кожгалантерейная фабрика, черепичный и рыбокопильный заводы и т. д. Строятся автосборочный, автомашинный, кордный заводы и мебельная фабрика.

Валовая продукция государственной промышленности за вторую пятилетку выросла в два с лишним раза по сравнению с первой пятилеткой. Развитие стахановского движения, внедрение новой техники способствовали росту продукции промышленности. Если за первую пятилетку производительность труда выросла на 137,3 процента, а число рабочих—на 168,9 процента, то во второй пятилетке производительность труда выросла на 169,1 процента, а численность рабочих на 137,8 процента. Каждый рабочий завода имени Куйбышева в 1933 году дал продукции на 6399 рублей, в 1937 году—на 11.649 рублей¹.

Многое сделано за эти двадцать лет. Многоэтажные корпуса новых построек—заводов, элеваторов, школ, клубов, жилых прекрасных домов с каждым годом поднимаются все выше и выше над заплесневелыми ветхими кварталами старого деревянного Омска. Зеленые и алые электрические вспышки озаряют по ночам небо над городом. Это несутся по улицам трамваи. Трамвайные пути уходят от центра к далеким окраинам, туда, на Линии восточной окраины Омска, на Северные улицы, на Волчий хвост, к Игнатовке, в те края, откуда прежде люди не решались выходить по вечерам в «город» из боязни утонуть в грязи.

Игнатовка, Волчий хвост, Линии! Было бы неверным утверждать, что Омск конца тридцатых годов XX века мог назваться благоустроенным городом. Наряду с мощеными чистыми улицами, наряду с величественными площадями, вокруг которых громоздятся новые красивые здания, есть в Омске закоулки дикие и унылые, улочки, застроенные полусгнившими древними избами. Деревянные ветхие украшения над окнами этих изб ближе всего напоминают изображение берцовых костей павших животных. Есть переулочки, в которых можно перешагнуть через дома-землянки. Есть целые копей-городки — кварталы из землянок. Это наследие прошлого. Так прежние хозяева города капиталисты заставляли селиться рабочих. До сих пор еще за кварталом землянок по Московской улице сохранилось название — Мариупольский городок. В землянках обитал не пивовар-заводчик Мариупольский, но рабочие его завода. В землянках и бараках, сложенных из ящиков и досок вагонов селились беженцы империалистической войны, а несколько позднее выходцы из голодающего Поволжья, словом бедняки, пришедшие в Омск в годы войн и разрухи.

¹ «Омская правда» от 10 октября 1939 г.

Омск был окружен копай-городками. Земляные норы, равно как и полусгнившие избы времен генерала Капцевича, мало по малу пустеют. Их обитатели давно перестали быть бедняками, многие уже выстроили себе новые уютные деревянные дома на веселых зеленых окраинах города. Другие же получили квартиры в больших домах. Однако немалое количество землянок и избышек на курьих ножках сохранилось еще в городе Омске. Эти нелицеприятные «памятники старины» еще к сожалению существуют¹. Но, судя по тем же отчетам городского совета, вскоре изменится и лицо окраины. Во всяком случае, на жилищное строительство и благоустройство города отпускаются все более значительные средства.

Весьма значительные средства дала Омску советская страна на расширение дела народного образования. В городе около шестидесяти тысяч школьников и десять тысяч студентов. Девяносто школ, двадцать средних и семь высших учебных заведений. Около восьмидесяти миллионов рублей отпустило за последние шесть лет правительство на учебные заведения Омска. Русская, украинская, татарская, казахская молодежь, потомки немцев колонистов, люди с дальнего севера и дальнего востока — вот кто студенты омских техникумов и институтов. Здесь, в Омске, учатся музыке, живописи, финансовым дисциплинам, строительному искусству, медицине, сельскому хозяйству, транспортному делу, педагогике. Педагогический, учительский, медицинский, ветеринарный, автодорожный, сельскохозяйственный институты дают стране тысячи новых специалистов.

Но всем этим—строительством, созданием учебных заведений—наряду с Омском могут гордиться и очень многие другие города нашей прекрасной страны. Всюду возникают новые мощные предприятия, всюду создаются те или иные учебные заведения, все города более или менее быстро меняют свое прежнее лицо. Мы хотим рассказать о некоем исключительном событии, которое произошло несколько лет назад в Омске.

Однако, для того, чтобы яснее представить себе все обстоятельства этого дела, следует еще раз оглянуться назад, вспомнить о годах революции и гражданской войны, мысленно перенестись с берегов Иртыша на далекие берега Волги.

... Шла гражданская война. В Поволжье гремели бои. С востока из-за Урала по команде из Омска бросались в наступление на молодую Советскую страну белые армии. В рядах защитников родины от белогвардейцев и интервентов был молодой волжанин. Этот волжанин прошел тяжелую школу жизни. Сын бедной вдовы, он до шести лет ютился с матерью за печками на кухнях господских домов, в которых мать служила прислу-

¹ А вот некоторые настоящие памятники старины, имеющие историческую ценность, как например крепостные ворота XVIII века — разрушены.

гой. Затем он попал в приют, где купчихи «благотельницы» воспитывали детей бедных родителей, с помощью розог и плеток, учили молиться и быть покорным. Затем он работал «мальчиком» в купеческих фирмах у всяких Чирихиных, Келлеров и К°. Став юношей, он уже во время империалистической войны сдал экзамен на телеграфиста. Он не думал навсегда отдаться этой специальности. Хотелось учиться дальше, но на это не было средств. В свободное от дежурств время он сидел над томами «Университета на дому», он изучал это пособие для самообразования, не имея возможности поступить в настоящий университет, ибо был беден.

Когда грянул великий Октябрь, молодой телеграфист примкнул к большевикам. Через некоторое время он сделался политическим комиссаром смены местного правительственного телеграфа, затем политкомом полевой конторы при штабе четвертой армии, затем районным комиссаром связи. Шла война. Из Сибири на Поволжье наступали силы контрреволюции. Омск—гнездо белогвардейщины!— вот что знал молодой волжанин.

После разгрома Колчака молодой волжанин, недавний подписчик «Университета на дому», человек, которого царская Россия обрекала на незавидную участь самоучки, получил наконец возможность по настоящему взяться за учение. В 1920 году бывший комиссар связи поступил на рабфак. Кончив рабфак пошел учиться в саратовский институт сельского хозяйства. Здесь он увлекся селекцией—наукой не только о перелелке растений, но и самой природы. Кончая институт, он побывал у известного ученого И. В. Мичурина. Сын бедной вдовы, мальчик из приюта, телеграфист, комиссар нашел общий язык с ученым, имеющим мировое имя.

Затем, после работы в Поволжье и на Северном Кавказе, молодой агроном-волжанин приехал в Омск, чтоб стать научным сотрудником омской селекционной станции, а затем—Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства, который и был создан по его инициативе и директором которого он впоследствии стал.

Таков путь Николая Васильевича Цицина, доктора сельскохозяйственных наук, ученого, сделавшего своей родине и всему человечеству драгоценнейший подарок—многолетнюю пшеницу¹. Здесь на полях под Омском, Николай Васильевич Цицин вел свои опыты. Пользуясь поддержкой и отеческим вниманием великого вождя народов товарища Сталина, молодой ученый Николай Васильевич Цицин создал здесь, возле Омска, свои лаборатории... Отсюда, с полей из под Омска идут во все концы нашей родины семена пшенично-пырейных гибридов. Именно здесь.

¹ Подробнее о Цицине см. книгу В. Уткова «Чудесная пшеница», Омск 1939.

под Омском, была выведена многолетняя пшеница. И слава об Омске, как о родине многолетней пшеницы прошла по всему миру.

Широко пошла по свету слава и о кизюринских садах—о замечательных стелющихся к земле плодовых садах в окрестностях Омска. Наш ученый садовод профессор Кизюрин талантливо разрешил вековой вопрос о плодоводстве в северных широтах. Ароматные, крупные яблоки кизюринских садов, эти небывалые для Сибири плоды увидели люди всего мира на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Короткое слово Омск снова появилось на страницах газет Европы, Америки, Австралии, но на этот раз не в связи с сообщениями о кровавых боях, о казнях, расстрелах, порках, о грабежах и убийствах. Ныне название нашего города, имя социалистического Омска ассоциируется с величайшими научными проблемами, с работами, несущими благо всему человечеству.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. В год семь тысяч сто второй от сотворения мира	3
II. Цена прииртышской соли	9
III. Почему Омск не возник на 88 лет раньше?	15
IV. Экспедиция господина Бухальцева	19
V. Когда пало джюнггарское царство	27
VI. Крепость, недаром построенная в тылу	33
VII. Гости города мертвого дома	41
VIII. Судьба степных соседей	51
IX. Мальчик с голубых гор	61
X. Падение омской крепости	73
XI. Метаморфозы сибирской зимы	87
XII. На Колчака!	97
XIII. Две славы	101

Л. Мартынов. Крепость на Оми.
Омское областное государственное изда-
тельство. 1940. Пидеве X — 1 — в
Изд. № 21-XV.

Редактор В. Луловской.
Художественный и технический редактор
В. Кохановский.
Художник П. Котовичиков.

Сдано в набор 1-VI-40 г. Подписано в
печати 23.VIII.40 г.
Формат 60×90/16. Объем: 3,375 сум. л.,
6,75 печ. л., 6,25 авт. л., 6,603 уч.-изд. л.
39125 тип. знаков в печатном листе.
Тираж 7.000 экз.

ЦД- 1820.

Отпечатано в типографии издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, ул. Ленина, 47. Зап. № 4898.

*

Цена книги в переплете ◆◆◆◆◆ 4 р. 55 к.

Am. ...
1911

